

הספריה הלאומית

S 23 B 13780

Заменгоф, Людвик Лазарь,

Гиллелизмъ :

C.2

2162522-20

W-X

~~14592~~

1
1882

Гомо Сумъ.

Тиллелизмъ

Проектъ рѣшенія еврейскаго вопроса.

Dr. Joseph
SZAINDWICZ.

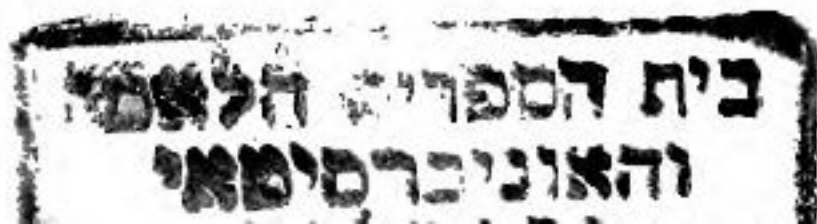
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ С.-Петербургскомъ Книжномъ Складѣ М. Залшунна.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

- 1) Екатерининская 4, 2) Пушкинская 1, уголъ Невскаго,
Варшава, Новый-Свѣтъ 24.—Витебсь, Замятова ул.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ
Варшава, 29 Января 1901 г.

§ 2 . 13
серу 2

Тип. М. Вейденфельдъ и Иг. Кельтеръ Варшава, Лѣшно 34.

296.681

ZAM(C1)

ГИЛЛЕЛИЗМЪ.

Проектъ рѣшенія еврейскаго вопроса.

I.

Читатели евреи! Во имя будущности десятиллионной массы нашихъ братьевъ, повсюду гонимыхъ и презираемыхъ, страдающихъ уже такъ много столѣтій и обреченныхъ повидимому еще на дѣльнѣйшія страданія безъ какого-либо предвидимаго конца, мы позволяемъ себѣ обратиться къ Вамъ съ предложеніемъ, для котораго мы просимъ вашего благосклоннаго вниманія.

Но обращаемъ ваше вниманіе на то, что вы услышите отъ насъ слова новыя, къ которымъ ухо ваше еще не привыкло. Просимъ васъ поэтому не судить о предлагаемомъ нами дѣлѣ по тому первому впечатлѣнію, которое оно произведетъ, можетъ быть, на ваше непривычное ухо, а серьезно и безпристрастно обдумать и прочувствовать его. Сіонисты въ первую минуту, можетъ быть, закроютъ свои уши на слова наши, полагая, что мы еще недостаточно созрѣли въ еврейскомъ патріотизмѣ, чтобы понять все значеніе Сіонизма; мы должны поэтому замѣтить, что мы когда-то сами принадлежали къ самымъ горячимъ Сіонистамъ и были таковыми уже въ то время, когда большинство теперешнихъ Сіонистовъ еще стояло совершенно вдали отъ этого движенія; и мы отказались отъ этой идеи не вслѣдствіе недостаточной любви къ ней, а только вслѣдствіе неумолимыхъ доводовъ разума, которые окончательно убѣдили насъ, что Сіонизмъ есть только увлекательный плодъ недостаточнаго пониманія сущности еврейскаго вопроса и что онъ этого вопроса ни на волосъ не ослабитъ даже въ томъ случаѣ, еслибы мечта

בית הספרים הלאומיים
והאוניברסיטת
ירושלים

эта и могла когда-либо осуществиться. На рутинеровъ непривычное предложеніе наше въ первую минуту произведетъ, можетъ быть, впечатлѣніе чего-то химерическаго; но если они хорошо вдумаются въ слова наши, они легко убѣдятся, что идея наша вызвана, напротивъ, именно рядомъ разочарованій и желаніемъ положить наконецъ предѣлъ безконечному кормленію народа нашего безплодными фантазіями въ родѣ мессіанизма набожной массы, Сіонизма, искусственныхъ фальшивыхъ компромиссовъ и т. п. Цѣль наша состоитъ именно въ томъ, чтобы дать нашимъ страдающимъ братьямъ исходъ реальный, практическій, нѣчто осязательное, ясно и легко исполнимое и при томъ не въ отдаленномъ сомнительномъ будущемъ, а уже теперь, безусловно, безъ колоссальныхъ капиталовъ и сверхъестественныхъ силъ.

Во имя чего мы страдаемъ и обрекаемъ на страданія дѣтей нашихъ? Когда дѣти наши задаютъ намъ этотъ вопросъ, почва подъ нашими ногами колеблется и мы начинаемъ давать самые запутанные и софистическіе отвѣты. Но людямъ интеллигентнымъ не подобаешь подставлять свою спину подъ удары *безсознательно*, а людямъ благороднымъ не подобаешь обречь на безконечное гоненіе и презрѣніе дѣтей своихъ и цѣлый рядъ потомства своего съ индифферентною беззаботностью, не уясняя себѣ, къ чему и во имя чего это дѣлается. И такъ кто мы такіе и во имя чего мы страдаемъ?

Когда предки наши были еще людьми глубоко вѣрующими, отвѣтъ на поставленный выше вопросъ былъ вполне ясенъ: „Всѣ люди, исповѣдующіе „единственно истинную“ религію, т. е. еврейскую, составляютъ одинъ народъ братьевъ, гдѣ бы они ни жили, какимъ бы языкомъ они ни говорили и откуда бы они ни происходили, ибо всѣ эти земные вопросы не имѣютъ никакого значенія передъ вопросомъ главнымъ, т. е. вопросомъ о религіи. Всѣ же не исповѣдующіе еврейской религіи совершенно намъ чужды, хотя бы они цѣлыя сотни лѣтъ жили съ нами на одной землѣ, имѣли бы съ нами одинъ разговорный языкъ (напримѣръ нѣмцы христіане съ нѣмецкими евреями, испанцы христіане съ совершенно обиспанившимися испанскими евреями), или хотябы они имѣли несомнѣнно одинаковое съ нами происхожденіе (напримѣръ разные семитическіе народы)“. Почему и къ чему мы страдаемъ? „Потому что такъ Богъ велѣлъ; но придетъ Мессія и т. д. и т. д.“ Во имя чего мы страдаемъ?

„Во имя святой правды“. Эти отвѣты были на столько ясны и удовлетворительны, что съ ними можно было смѣло душою ходить на костры и переносить всѣ утонченныя муки инквизиціи; эти отвѣты отецъ могъ смѣло давать своимъ дѣтямъ и не только вполнѣ удовлетворять ихъ, но сознавать, что совѣсть его передъ ними вполнѣ чиста.

Но когда стѣны гетто стали падать, когда евреи подобно другимъ народамъ стали проникаться свѣтскимъ образованіемъ и религіозныя вѣрованія наши начали слабѣть, интеллигенція наша начала терять почву подъ ногами и отвѣты на поставленные выше вопросы стали все болѣе и болѣе затуманиваться. Переставши вѣрить, что вся цѣль человѣческой жизни состоитъ въ стремленіи къ возобновленію жертвоприношеній въ Иерусалимскомъ храмѣ, интеллигентные евреи стали замѣчать крайнюю беспочвенность своего положенія. „На всемъ земномъ шарѣ“, говорили они, „всѣ люди считаютъ своею родиной ту страну, въ которой они дѣйствительно родились, гдѣ родились и работали ихъ отцы и дѣды, гдѣ они съ самаго рожденія сжились съ землею, населеніемъ, фауной и флорой, съ климатомъ и всѣми атмосферическими особенностями, безъ которыхъ они уже тосковали бы и чахли, гдѣ все имъ знакомо и дорого; мы же въ нашей фактической родинѣ держимъ себя какъ чужіе, называемъ родиной отдаленную, совершенно чуждую уже намъ страну, въ которой 2000 лѣтъ тому назадъ жили наши предки. Всѣ люди называютъ своимъ роднымъ, любятъ и лелѣютъ тотъ языкъ, на которомъ они дѣйствительно говорятъ, — мы же называемъ своимъ языкомъ тотъ, на которомъ даже 2000 лѣтъ тому назадъ никто изъ нашихъ предковъ уже не говорилъ. Зачѣмъ мы сковали живущую еще религію нашихъ предковъ съ давно, давно умершею уже національностью и страной ихъ?“ Такъ давно уже говорили интеллигентные евреи, и подъ вліяніемъ идей, посѣянныхъ французской революціей, у интеллигентныхъ евреевъ, потерявшихъ старую почву подъ ногами, появилась и постепенно укрѣплялась новая формула: „мы французы, нѣмцы, поляки и т. д. Моисеева вѣроисповѣданія“. Многие изъ нашихъ братьевъ въ различныхъ странахъ еще крѣпко держатся этой формулы; но для всякаго человѣка, умѣющаго разсуждать и не закрывающаго слѣпо глаза на очевидныя факты, теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что формула эта основана на софизмѣ и фальши, что это есть искусственно и насиль-

ственно созданный компромиссъ, съ котораго обыденные факты жизни на каждомъ шагу грубо срываютъ плохо приклеенную маску. Формула эта фальшива въ обѣихъ своихъ половинахъ. Когда напримѣръ наши польскіе братья говорятъ самымъ искреннимъ и даже фанатическимъ образомъ „наша Польша, нашъ польскій языкъ, наши польскія имена“ и т. п., поляки-католики отвѣчаютъ имъ: „пошелъ! ты жидъ, а не полякъ; всѣ твои не дипломатизирующіе братья говорятъ открыто, да и ты самъ говоришь постоянно въ твоей синагогѣ, когда мы тебя не видимъ, что вы составляете особый народъ израильскій, что вы ничего общаго съ нами не имѣете, что ваша страна Палестина; польскому языку ты только *научился*, чтобы маскировать себя передъ нами, родной же языкъ твой есть жаргонъ, которымъ говорятъ всѣ твои необразованные братья и которымъ будутъ говорить и твои потомки, если они обѣднѣютъ и вмѣсто того, чтобы быть вышколенными докторами или адвокатами, должны будутъ быть ремесленниками или носильщиками. Ваши имена это Мойше и Ицекъ, или въ крайнемъ случаѣ Моисей и Исаакъ, и вы только *передъльзываете* ихъ для того, чтобы мы васъ не узнавали, и крадете для себя имена отъ святыхъ совершенно чуждой вамъ католической церкви. Мы васъ и такъ не любили бы, какъ не любимъ всякой чужой націи и религіи; но когда мы видимъ, какъ вы прилизываетесь къ намъ и подшиваетесь подъ нашу шкуру, мы безконечно презираемъ васъ. Не лѣзьте къ намъ, потому что мы васъ знать не хотимъ“. Такова фальшь первой половины упомянутой формулы. Не менѣе фальшива и вторая половина формулы. Вы, интеллигентные евреи, употребляющіе для себя опредѣленіе „Моисеева вѣроисповѣданія“, говорите вѣдь прямую ложь, такъ какъ вы вѣдь ничего общаго съ этимъ вѣроисповѣданіемъ не имѣете, вы не вѣруете, не исполняете того, что принято называть Моисеевой религіей, и даже стыдитесь ея и тщательно скрываете ее. Но даже и въ этой лжи вашей вы не послѣдовательны, потому что послѣдовательность въ этой путаницѣ понятій не возможна. Когда дѣти ваши говорятъ вамъ: „если единственнымъ отличительнымъ признакомъ нашимъ есть то, что мы Моисеевой религіи, то почему вы не учите насъ этой религіи, почему мы не исполняемъ ее?“—тогда у васъ являются какія-то смутныя угрызенія совѣсти, вы ведете дѣтей въ синагогу, гдѣ они впрочемъ влѣдствіе чуждости языка ничего не понимаютъ

говорите имъ объ израильскомъ народѣ, о чисто національныхъ еврейскихъ законахъ и праздникахъ, а затѣмъ сознаете, что это фальшь, противорѣчащая вашимъ убѣжденіямъ и вашей новопринятой національности, и вы опять долго молчите и вы бьетесь какъ рыба въ сѣти, и вамъ неловко смотрѣть въ глаза вашимъ дѣтямъ, а дѣти ваши съ грустью чувствуютъ какую-то пустоту и фальшь. То, что существуетъ подь именемъ Моисеевой религіи, есть религія абсолютно и исключительно *еврейско-національная*, и называть себя на примѣръ полякомъ Моисеевой вѣры есть то же самое, что называть себя портнымъ сапожнической профессіи. Кто же вы наконецъ такіе? Какія-то летучія мыши, бросающіяся изъ лагеря въ лагерь, отъ птицъ къ четвероногимъ, и не знающія, къ кому себя причислить? Это тяжелая фальшь, которой ни одинъ нормальный человѣкъ долго выносить не можетъ, а поэтому дѣтямъ или внукамъ всѣхъ этихъ лицъ, объявившихъ себя нѣмцами, поляками и т. п. Моисѣва вѣроисповѣданія, раньше или позже, послѣ долгой и тяжелой душевной борьбы, приходится искать спасенія въ единственно возможномъ для нихъ исходѣ—въ перемѣнѣ религіи вопреки собственному убѣжденію. Какъ ни индифферентными они намъ кажутся, въ дѣйствительности каждый изъ нихъ совершаетъ этотъ шагъ съ болью въ сердцѣ, сознавая смутно, что онъ дѣлаетъ какую-то ложь, какую-то измѣну, но не имѣя другого выхода.

На смѣну обанкротившейся идеѣ объ арійцахъ Моисеева вѣроисповѣданія явилась въ послѣднія два десятилѣтія новая идея—идея Сіонизма. „Мы не поляки, нѣмцы и т. п.“, говорятъ Сіонисты, а евреи по національности, помимо религіи, и какъ таковые мы должны стремиться къ самобытности и самостоятельности на землѣ нашихъ предковъ“. Идея эта не новая, а существуетъ уже 2000 лѣтъ, только раньше она не выходила изъ области религіозныхъ книгъ и поэзіи, а теперь старается входить въ практику. Почва для этой идеи всегда была готова, такъ какъ благодаря своей религіи евреи съ самаго дѣтства изучаютъ библію и пропитываются любовью, хотя чисто платонической, къ этимъ прекраснымъ картинамъ прошлаго. Такъ, подь вліяніемъ рассказовъ дѣтскихъ лѣтъ, у всѣхъ народовъ всегда готова почва для идей о золотомъ вѣкѣ, о различныхъ мессіанизмахъ, о царствѣ тысячи и одной ночи, и достаточно иногда толчка, чтобъ идеи эти вызвали движеніе массъ, часто полное увлеченія, но къ сожалѣнію всегда только временное

и скоропреходящее, вслѣдствіе отсутствія реальныхъ опоръ. Между подобными вспышками фантастическаго увлеченія и реальными массовыми стремленіями есть огромная разница. Такъ, на примѣръ, у всѣхъ дѣйствительно существующихъ народовъ, потерявшихъ самостоятельность, идея возрожденія, т. е. сверженія чужого ига, существуетъ *непрерывно*, съ большею или меньшею надеждою на исполнимость этого стремленія, но всегда ясно и сознательно; такъ же сознательное и непрерывное стремленіе существовало и у евреевъ, пока они дѣйствительно существовали еще какъ народъ, хотя и поработанный, т. е. жили на одной землѣ и говорили однимъ (хотя и не библейскимъ уже) языкомъ; но когда еврейскаго народа фактически не стало, стремленіе къ возрожденію еврейскаго народа превратилось въ мечту чисто религіозную, которой никто соціально-политическаго значенія уже не придавалъ. Подъ политической формой Сіонизма стремленіе это явилось въ послѣднее время искусственно и искусственно же пропагандируется. Но какъ эта идея ни увлекательна, холодный разумъ къ сожалѣнію срываетъ съ нея весь ореолъ ея прелести. Идея эта, какъ основанная на чувствахъ, разъ зававши въ сердце, съ трудомъ удаляется оттуда. Но помните, что мы, еврейская интеллигенція, обязаны думать о милліонахъ темныхъ братьевъ нашихъ, и что когда дѣло касается будущности всѣхъ этихъ братьевъ нашихъ, намъ увлекаться поэзіей не простительно.

Прежде всего констатируемъ тотъ фактъ, что народъ еврейскій давно, давно уже не существуетъ, а существуютъ разсѣянные по всему міру люди, связанные между собою только одинаковостью вѣры или внѣшняго ярлыка этой вѣры и благодаря этому также одинаковостью страданій, вызванныхъ исключительно принадлежностью къ этой вѣрѣ. Выраженіе „еврейскій народъ“, которое по традиціонной привычкѣ употребляется нами и преслѣдователями нашими, есть только слѣдствіе иллюзіи, обмана чувствъ и укоренившейся метафоры, подобно тому, какъ о портретѣ какого-нибудь лица мы говоримъ обыкновенно „вотъ такое-то лицо“, хотя лицо это давно уже умерло и въ портретѣ оставило намъ только тѣнь свою. Основываясь исключительно на чувствахъ своихъ, Сіонисты скажутъ, что мы играемъ словами и что дѣло не въ названіи, а въ сути; поэтому мы ниже покажемъ, на какомъ обманѣ чувствъ основана иллюзія о еврейскомъ народѣ, а пока разберемъ вопросъ

теоретически.

Выяснимъ себѣ сначала, что такое народъ. Если миллионы людей разсѣянныхъ по всему свѣту имѣютъ рыжіе волосы, они имѣютъ между собою этотъ одинъ общій признакъ; но можемъ ли мы ихъ благодаря этой общности назвать народомъ? Очевидно нѣтъ. Если они изъ-за этихъ рыжихъ волосъ подвергаются одинаковымъ насмѣшкамъ толпы, одинаковому предвѣрію или преслѣдованію, основанному на предразсудкѣ, тогда они имѣютъ уже между собою *много* общаго; но назовете ли вы ихъ поэтому народомъ? Очевидно нѣтъ. Какіе же общіе признаки требуются для того, чтобы какая-нибудь группа людей могла называть себя народомъ?

Обыкновенно мы называемъ народомъ большую группу людей, говорящихъ однимъ языкомъ, живущихъ на одной землѣ, представляющихъ одно самостоятельное политическое цѣлое, исповѣдующихъ одну вѣру и т. п. Это народъ нормальный. Отнимите у народа постепенно одинъ изъ этихъ признаковъ за другимъ, и онъ превращается въ народъ ненормальный, больной, но все таки кое-какъ еще продолжаетъ существовать и можетъ еще стремиться къ выздоровленію. Отнимите у народа—возьмемъ для примѣра положимъ народъ польскій—политическую самостоятельность,—это будетъ ударъ до того тяжелый, что многіе ошибочно считаютъ подобный народъ даже уже мертвымъ, но народъ все таки остается народомъ. Нанесите ему еще болѣе тяжелый ударъ, ударъ небывалый и страшный, вырвите его съ корнемъ изъ родной земли и разсѣйте его такъ по всему міру, чтобы онъ нигдѣ не составлялъ большинства, а повсюду исчезающее меньшинство,—тогда наступитъ его агонія и ему предстоитъ скоро умереть, разложиться и раствориться въ окружающихъ элементахъ; но даже послѣ этого убійственнаго удара, пока онъ, хотя разсѣянный, еще говоритъ своимъ языкомъ, онъ еще живетъ, и о всѣхъ разсѣянныхъ членахъ его всѣ еще скажутъ: „это поляки“. Но пусть исчезнетъ польскій языкъ, и тогда существованіе польскаго народа окончательно и безповоротно прекращается и переходитъ въ область исторіи. Если бы послѣ такого исчезновенія языка всѣ члены этой націи даже на вѣки вѣковъ сохранили какимъ-либо способомъ свою родословную самымъ строгимъ образомъ, если бы каждый изъ нихъ даже имѣлъ какой-нибудь опредѣленный органическій признакъ, дѣлающій общее происхожденіе ихъ несомнѣннымъ, никто все

таки тогда (т. е. послѣ потери языка) не скажетъ уже объ нихъ: „это поляки“, а въ крайнемъ случаѣ скажутъ объ нихъ только: „это потомки существовавшего когда-то польскаго народа“, подобно тому, какъ есть потомки готовъ, галловъ, кельтовъ и т. п., но нѣтъ уже самихъ народовъ этихъ. *Ибо языкъ есть именно та связь, которая дѣлаетъ ту или другую группу людей народомъ.* Представьте себѣ, напримѣръ, что какимъ-нибудь чудомъ сербы потеряли свой языкъ и заговорили по польски, — существовалъ ли бы тогда сербскій народъ? Нѣтъ, вы сказали бы тогда, что Сербія населена поляками, не смотря на то, что они имѣютъ жительство, и происхожденіемъ, и религіей совершенно отличаются отъ поляковъ Привислянскаго края; и они не только называли бы себя поляками, но постоянно тяготѣли бы къ Польшѣ, ибо языкъ именно и есть то, что творитъ народъ. Въ Австріи есть различные народы, которые, съ тѣхъ поръ какъ исторія ихъ знаетъ, жили и живутъ всегда рядомъ другъ возлѣ друга, несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ напримѣръ Воронежцы съ Вологодцами; они имѣютъ одно государство, одну религію и т. д., и все таки они представляютъ совершенно чуждые и враждебные другъ другу народы исключительно только потому, что они говорятъ различными языками; между тѣмъ Австрійскіе нѣмцы и Пруссаки отличаются другъ отъ друга и мѣстомъ жительства, и государствомъ, и религіей, а все таки, благодаря исключительно единству ихъ языка, мы должны и тѣхъ и другихъ соединять подъ именемъ нѣмецкаго народа, и сами они другъ къ другу тяготѣютъ. Ибо языкъ есть самое священное достояніе чловѣка; на немъ онъ мыслить, радуется и печалится, съ нимъ связано его самосознаніе, а слѣдовательно и его индивидуальное существованіе. Еслибы не было различія языковъ, не было бы и различія народовъ: существовали-бы тогда группы локальныя, политическія, религіозныя, но не національныя. На сколько не мыслимо отдѣлить другъ отъ друга понятія „языкъ“, и „народъ“, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ языкахъ оба эти понятія прямо обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ.

Мы, разсѣянные по всему міру евреи, не имѣющіе не только политической самостоятельности и какой-либо опредѣленной населяемой территоріи, но главное — не имѣющіе самаго необходимаго фундамента народности — *языка*, не представляемъ собою никакого народа, а мы составляемъ только группу лю-

дей, имѣющихъ одну общую религію, или вѣрнѣе *притисанныхъ* къ одной религіи, такъ какъ многіе изъ насъ этой религіи даже не исповѣдуютъ. Нѣкоторые, правда, говорятъ, что у насъ есть свой языкъ, древне-еврейскій; но вы вѣдь знаете, что это неправда. Этотъ языкъ принадлежалъ когда-то народу, жившему въ отдаленной древности, но *мы* съ нимъ ничего общаго не имѣемъ; еслибы не *религія* наша, мы бы этого языка и знать не хотѣли; этотъ языкъ для насъ такъ же труденъ и чуждъ, какъ для всякаго не-еврея. Правда, специально у насъ съ вами, любезные читатели, есть общій языкъ, на которомъ говорили наши отцы и дѣды, на которомъ большинство изъ насъ самихъ говорило въ дѣтствѣ и часто говоритъ еще и теперь—это жаргонъ. Еслибы мы этотъ языкъ культивировали и заставили бы говорить на немъ нашихъ дѣтей и внуковъ, то это дало бы намъ право называть себя особымъ народомъ. *Это* былъ бы дѣйствительный народъ, а не фиктивный; но ни съ евреями другихъ странъ, ни съ Палестиной этотъ народъ кромѣ религіи не имѣетъ ничего общаго, и тяготѣть безъ фальши онъ долженъ былъ бы только къ своей *дѣйствительной* родинѣ, т. е. къ западной Россіи и Польшѣ, и къ своему *дѣйствительному* языку, т. е. къ жаргону. *Такое* національное самосознаніе было бы, если не желательно, то по крайней мѣрѣ естественно; но такъ какъ культивированіе такого западно-русско-нѣмецкаго народа, признающаго Балтійско-Черноморскую полосу своей родиной, а жаргонъ своимъ языкомъ, ни одной изъ еврейскихъ партій не признается ни желательнымъ, ни мало-мальски цѣлесообразнымъ или имѣющимъ какіе-либо шансы на будущность, то мы объ немъ говорить совершенно не будемъ*). Выраженіе „народъ еврейскій“ (въ смыслѣ „панъюдаистическій“), къ ко-

---

*) Пусть читатель не думаетъ, что мы принадлежимъ къ врагамъ жаргона. Напротивъ: въ то время какъ наша интеллигенція почти вся поголовно (не исключая даже жаргонныхъ писателей) относится къ жаргону съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ и считаетъ его чѣмъ-то дикимъ, мы всегда относились и относимся и теперь къ нему съ любовью и видимъ въ этомъ такъ называемомъ жаргонѣ такой же языкъ, какъ и всѣ другіе языки. Лѣтъ 20—25-тому назадъ мы съ усердіемъ и увлеченіемъ продолжительное время работали надъ этимъ языкомъ, и тогда мы убѣдились, что онъ не только отличается богатствомъ формъ, но имѣетъ самую стройную и строгую грамматику, во многихъ отношеніяхъ оригинальную и замѣчательную. Граматику эту мы систематически обработали и готовы были уже выступить съ нею публично, мечтая объ основаніи чистой и цивилизованной ново-еврейской литературы вмѣсто теперешней безграмотной и безобразной. Но впоследствии мы пришли къ убѣжденію, что это было-бы дѣломъ безъ всякой цѣли и будущности, что, представляя собою чисто мѣстный и временный диалектъ, жаргонъ никакого отношенія къ еврейству не имѣетъ и что культивировкой о мы не оказали бы еврейству никакой услуги.

тому мы такъ привыкли, есть слѣдовательно выраженіе вполне ошибочное, которое благодаря религіи и ея неизмѣняемымъ терминамъ все еще передается изъ рода въ родъ, хотя оно съ незапамятныхъ временъ сдѣлалось уже полнѣйшимъ анахронизмомъ, подобно многимъ другимъ религіознымъ терминамъ и обычаямъ. *Если мы сами въ нашей статьѣ употребляемъ и будемъ до конца употреблять выраженіе „народъ еврейскій“, то мы дѣлаемъ это просто только ради удобства и въ виду того, что наши читатели слишкомъ уже привыкли къ этому термину.*

„Но“, скажете вы, „у насъ есть общее происхожденіе, общая исторія, общая судьба и страданія, общіе обычаи“. Но всмотритесь повнимательнѣе въ эту исторію, и вы увидите, что уже отъ двухъ тысячелѣтій она не представляетъ собою и тѣни какой-либо исторіи *народа*, а совершенно несомнѣнно составляетъ собою исключительно только исторію *религіозной группы*. Къ этой исторіи цѣликомъ принадлежалъ и принадлежитъ всякій человѣкъ, исповѣдующій еврейскую религію, хотя бы даже еще отецъ его ничего общаго съ еврействомъ и Палестиной не имѣлъ: съ момента принятія имъ еврейской вѣры онъ входитъ въ еврейскую исторію; съ другой стороны всякій не исповѣдующій еврейской религіи не имѣетъ съ еврейской исторіей ровно ничего общаго, хотя бы еще дѣдъ его былъ самымъ преданнымъ евреемъ. Можетъ ли слѣдовательно быть какое нибудь сомнѣніе въ томъ, что та исторія, которую мы по древней привычкѣ, когда-то въ отдаленной древности имѣвшей основаніе называемъ ошибочно исторіей еврейскаго народа, есть ничто иное, какъ исключительно только исторія *еврейскаго вѣроисповѣданія*? То же самое и съ нашей судьбой и съ нашими обычаями, которые не содержатъ въ себѣ ни капли чего либо народнаго, чего-либо Палестинскаго, и общность которыхъ происходитъ исключительно только отъ общности нашей религіи и жизненныхъ условій, вызванныхъ этой религіей. *Единственный* слабый признакъ, который нашимъ націоналистамъ даетъ еще нѣкоторое право называть насъ народомъ, есть общность нашего *происхожденія*. Но во первыхъ эта общность происхожденія далеко не такъ несомнѣнна, какъ многимъ—подъ вліяніемъ опять таки религіозныхъ традицій и формулъ—кажется. Вспомните о множествѣ людей, выпадавшихъ изъ еврейства въ другіе народы, (напримѣръ исчезновеніе десяти колѣнъ, т. е. $\frac{5}{6}$ всего народа, еще въ отдаленной древности, массы постоянно при-

нимающихъ и принимающихъ инныя религіи); вспомните множество людей постороннихъ, вливавшихся въ еврейство (напримѣръ массы новообращенныхъ евреевъ въ послѣднюю эпоху Рима, когда люди принимали вѣдь не только христіанство, но и еврейство; цѣлый народъ Хазарскій, принявшій еврейство и несомнѣнно общившійся съ другими евреями; еврейскіе неопиты за границей и потомки многихъ „жидовствующихъ“ и „субботниковъ“ въ Россіи и т. п.). Мнимый типъ еврейскій не имѣетъ въ себѣ ничего расово-органическаго, а является только продуктомъ извѣстнаго рода воспитанія. Но не будемъ объ этомъ распространяться, а допустимъ, что дѣйствительно всѣ евреи происходятъ отъ Израиля, а всѣ неевреи не отъ Израиля; что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ живой народъ творится запыленными историческими хартіями и родословными? Какому изъ существующихъ народовъ есть какое-нибудь дѣло до того, кѣмъ были въ отдаленной древности его предки, были ли они израильтянами, филистимлянами, скиѳами, готами, гуннами, германцами и т. п.? Это дѣло историковъ, а не народа, который своего происхожденія не чувствуетъ и чувствовать не хочетъ, если его не связываютъ какія-нибудь узы фактически еще *существующія*, т. е. если общность существующаго еще родного языка не дѣлаетъ его взаимно связаннымъ между собою *народомъ*, или общность вѣры не дѣлаетъ его взаимно связанной между собою *религіозной группой*. Отнимите вы эти *фактическія* узы, и тогда завтра же всякая связь между бывшими членами прежней массовой единицы моментально прекращается и члены становятся другъ другу навсегда и окончательно совершенно чуждыми и знать другъ друга не захотятъ, хотя бы даже извѣстно было самымъ несомнѣннымъ образомъ, что всѣ они нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ имѣли одного общаго отца. Что, напримѣръ, связываетъ между собою финновъ и венгерцевъ, хотя несомнѣнно извѣстно, что они не только одного происхожденія, но что они составляли одинъ народъ даже сравнительно очень *недавно*, когда евреи давно уже единого народа не представляли? Для тѣхъ, которые сомнѣваются, что общность происхожденія (если даже допустимъ несомнѣнность таковой у евреевъ) въ народномъ самосознаніи не играетъ ровно никакой роли, приведемъ слѣдующее простое математическое вычисленіе: Два человѣка, имѣющіе общаго отца, чувствуютъ другъ къ другу сильную привязанность и взаимныя обязанности;

у двухъ человѣкъ, имѣющихъ общаго дѣда, т. е. у двоюродныхъ братьевъ, эта привязанность, какъ извѣстно, уже по крайней мѣрѣ въ четыре раза слабѣе; у двухъ человѣкъ, имѣющихъ общаго прадѣда, эта привязанность уже по крайней мѣрѣ въ 16 разъ слабѣе, и они уже въ большинствѣ случаевъ почти совершенно чужды другъ другу; наконецъ два человѣка, имѣвшіе общаго прапрадѣда, уже обыкновенно ровно ничего общаго между собою не имѣютъ. Если же по истеченіи какихъ-нибудь 100 лѣтъ общность происхожденія въ значеніи своемъ доходитъ уже почти до нуля, то вычислите, какое значеніе она должна имѣть послѣ 3000 лѣтъ!!... Разумѣется, что *абсолютно никакого*. И если нѣмецъ привязанъ къ нѣмцу, русскій къ русскому и т. п., то это ничуть не вслѣдствіе происхожденія, а исключительно только отъ того, что членовъ каждой изъ этихъ группъ взаимно связываетъ общность различныхъ узъ *современныхъ*, на примѣръ общность языка, территоріи, вѣры и т. п.; а такъ какъ у какого-нибудь французскаго еврея съ русскимъ евреемъ нѣтъ ни общаго языка, ни территоріи и т. п., то ихъ слѣдовательно связываетъ исключительно только общность религіи. Когда русскій народъ перешелъ изъ язычества въ православіе, онъ ничуть не пересталъ быть русскимъ народомъ; если бы онъ сегодня принялъ лютеранство, онъ все остался бы тѣмъ же народомъ, потому что членовъ его связываетъ въ единое народное цѣлое общность языка; но пусть такъ называемый еврейскій народъ приметъ сегодня другую религію, и тогда моментально еврейскій народъ навсегда исчезнетъ безслѣдно. Не правда ли? Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? Можете ли вы даже вообразить себѣ еврейскій народъ безъ еврейской религіи? Если же мы сознаемъ, что съ уничтоженіемъ еврейской религіи моментально и окончательно исчезъ бы еврейскій народъ, то это уже доказываетъ вполне ясно и несомнѣнно, что еврейскаго народа нѣтъ и что евреи составляютъ только группу людей, связанныхъ между собою исключительно только религіей, не взирая разумѣется на то, исполняютъ ли они дѣйствительно предписанія этой религіи или только причисляютъ себя къ исполняющимъ ее.

Вы скажете, можетъ быть, что полная зависимость такъ называемаго еврейскаго народа отъ религіи есть только временная, обусловленная теперешнимъ политическимъ положеніемъ евреевъ; мы дадимъ вамъ поэтому еще слѣдующій примѣръ:

Представьте себѣ, что нѣсколько сотъ тысячъ евреевъ основали въ Палестинѣ самостоятельное государство, но черезъ нѣкоторое время приняли другую религію (напрмѣръ христіанство или магометанство), что же тогда будетъ? будете ли вы или кто-нибудь другой называть ихъ тогда евреями? Нѣтъ, признайтесь, что нѣтъ! Эти полнокровнѣйшіе евреи, эти евреи *par excellence*, которые имѣютъ повидимому совокупность всѣхъ данныхъ для того, чтобы считаться еврейскимъ народомъ, такъ какъ они происходятъ отъ евреевъ, живутъ въ странѣ своихъ предковъ евреевъ и основали спеціальное, политически самостоятельное еврейское государство, а отличаются отъ насъ *только* религіей (которую наши націоналисты ошибочно ставятъ на задній планъ), ихъ никто называть евреями не будетъ, они изъ еврейской исторіи будутъ совершенно вычеркнуты и съ такъ называемымъ еврейскимъ народомъ и вопросомъ ничего общаго имѣть больше не будутъ (по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько поколѣній), между тѣмъ какъ мы, разсѣянные по міру, не говорящіе однимъ языкомъ, не живущіе въ странѣ евреевъ, не представляющіе политической единицы, а имѣющіе между собою *только* общность религіи, будемъ продолжать по прежнему называть себя еврейскимъ народомъ и влачить за собою еврейскій вопросъ. Если въ сочетаніи $a-b-c-d$ мы можемъ $b, c, \text{ и } d$ замѣнить какими угодно членами и сочетаніе все таки будетъ носить имя „еврей“, а съ измѣненіемъ члена „ a “ сочетаніе совершенно перестаетъ носить имя еврей, хотя бы $b-c-d$ остались неизмѣненными, то ясно какъ Божій день, что вся сущность того, что мы называемъ „еврей“, кроется только въ членѣ „ a “. Можетъ ли послѣ всего этого быть какое нибудь сомнѣніе въ томъ, что сущность еврейства заключается въ еврейской *религии* (хотя бы она существовала только *номинально*, а ничуть не исполнялась) и что вся наша борьба за еврейство сводится только къ борьбѣ за *религію*, а все остальное, за что мы боремся и страдаемъ, представляетъ только *слѣдствія* этой религіи. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, особенно той еврейской интеллигенціи, которая ни о какой религіи знать ничего не хочетъ, оно все таки въ дѣйствительности остается непреложной и неумолимой истиной, и тѣ, которымъ подъ вліяніемъ модныхъ и совершенно непримѣнимыхъ къ еврейству лозунговъ кажется, что они борются въ еврействѣ за что-то другое кромѣ религіи, только безсознательно обманываютъ себя

самихъ. Мы можемъ мѣнять языкъ, страну, платье, обычаи, идеалы, духъ, тѣлесныя особенности, политическое положеніе, экономическія условія, словомъ все, что хотите, и мы все таки останемся для себя и для другихъ тѣми же евреями; но стоить намъ перемѣнить религію—и весь еврейскій вопросъ сразу для насъ исчезаетъ, хотя бы мы даже и въ еврействѣ, и въ новопринятой религіи были полными атеистами и вся наша принадлежность къ той или другой религіи ограничивалась только ярлыкомъ, только простою припискою. Весь еврейскій вопросъ заключается только въ еврейской религіи. Просимъ читателя хорошенько уяснить себѣ это, ибо отъ точнаго уясненія себѣ этой основной и единственной *причины* еврейскаго вопроса зависитъ и точное рѣшеніе его.

Вы скажете, можетъ быть: „если евреи связаны между собою только религіей, то почему же еврей, даже совершенно не вѣрующій, чувствуетъ себя такъ неуютно между не-евреями, а такъ уютно между евреями, точно между родными? не доказываетъ ли это, что евреевъ связываетъ между собою еще нѣчто другое кромѣ религіи?“ Нѣтъ, ибо это чувство мы себѣ совершенно ложно истолковываемъ. Присмотритесь внимательно къ этому чувству, и вы увидите, что то чувство, которое привязываетъ васъ къ другому еврею, основано исключительно *только* на общности религіи, хотя бы ни вы, ни вашъ собесѣдникъ этой религіи не держался; эта общность религіи даетъ вамъ гарантію, что вашъ собесѣдникъ не назоветъ васъ жидомъ, не отнесется къ вамъ съ презрѣніемъ, какъ къ какому-то парію, не будетъ въ васъ видѣть врага, котораго Талмудъ, можетъ быть, воспиталъ Богъ знаетъ на какихъ гадостяхъ, что онъ провелъ свои дѣтскіе годы въ тѣхъ же вѣрованіяхъ, праздникахъ, что и вы, а одинаковость дѣтскихъ впечатлѣній сближаетъ людей даже и тогда, когда вѣра, вызвавшая эти впечатлѣнія, давно уже исчезла. Всѣ эти чувства, привязывающія еврея къ еврею, основаны слѣдовательно исключительно только на религіи и связанныхъ съ нею явленіяхъ. Если къ *нѣкоторой* группѣ евреевъ васъ привязываютъ еще какія-то другія чувства, то это чувства чисто мѣстныя, не имѣющія ничего общаго ни съ панъюдаизмомъ, ни съ Палестиной. Такъ напримѣръ литовскій еврей чувствуетъ себя хорошо въ обществѣ литовскаго еврея потому, что кромѣ вышеуказанной связи религіозной ихъ обоихъ связываетъ еще общность духа, вынесеннаго изъ литовскихъ мѣстечекъ,

щность воспитанія и воспоминаній, общность жаргона, который дорогъ имъ невольно, какъ языкъ дѣтства, общность ударовъ и правовыхъ ограниченій, подъ которыми они живутъ, благодаря своей религіи. Вы видите, слѣдовательно, что это чувство взаимнаго расположенія евреевъ другъ къ другу есть не какое-то національное самосознаніе, а просто слѣдствіе общности религіи, или религіознаго ярлыка, и связанной съ этимъ общности положенія.

Кто же мы такіе? Мы—по крайней мѣрѣ при теперешнихъ условіяхъ—не русскіе, не поляки, не нѣмцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы...также не еврейскій народъ. Мы потомки евреевъ (да и то не съ полною несомнѣнностью), но мы не еврейскій народъ, такъ какъ такого народа теперь нѣтъ, какъ нѣтъ напримѣръ народа протестантскаго. Будучи разрозненными группами, связанными между собою только общностью религіи, мы въ національномъ отношеніи единаго еврейскаго народа давно уже не составляемъ, выкристаллизоваться по естественнымъ своимъ языкамъ и мѣстамъ жительства въ новые отдѣльные народы не имѣемъ никакихъ шансовъ, а влиться въ окружающіе народы, благодаря національно-сепаратическому духу нашей религіи, не имѣемъ возможности. Мы въ національномъ отношеніи слѣдовательно обречены на вѣчное висѣніе между небомъ и землею, и въ этомъ-то и состоитъ весь трагизмъ нашего положенія. Мы представляемъ собою предполагаемыхъ *потомковъ* когда-то бывшаго народа, мы представляемъ собою *материалъ*, изъ котораго можно составить новый *будущій* народъ; но теперь мы народа не составляемъ. *На только что сказанное мы просимъ читателя обратить вниманіе*, такъ какъ иначе ему покажется страннымъ, что мы, отрицая существованіе еврейскаго народа, ниже сами будемъ говорить о будущности еврейства какъ *народа*. Если мы найдемъ нужнымъ составить изъ себя народъ, то между этимъ будущимъ народомъ ново-еврейскимъ и бывшимъ народомъ древне-еврейскимъ будетъ существовать историческая связь, такъ какъ мы, теперешніе безнародные евреи, благодаря своему предполагаемому происхожденію, являемся связующимъ звеномъ между обоими народами. Будущій ново-еврейскій народъ слѣдовательно будетъ имѣть полное право разсматривать исторію бывшаго Палестино-израильскаго народа какъ древній періодъ своей собственной исторіи; но *идентифицировать* себя съ бывшимъ Палестино-израильскимъ

народомъ теперешніе евреи не имѣютъ ни малѣйшаго логическаго основанія, такъ какъ они только предполагаютъ себя *происходящими* отъ сказаннаго народа. но не имѣютъ въ себѣ ни капли изъ всего того, что изъ древнихъ евреевъ творило особую и единую народную группу подъ формою израильскаго народа. Слѣдовательно и идентифицировать свои идеалы съ идеалами бывшаго когда-то Израильскаго народа у теперешнихъ евреевъ нѣтъ ни малѣйшаго логическаго основанія, и если подобная совершенно несообразная идентификація многими евреями еще дѣлается, то это происходитъ только подъ вліяніемъ ненормальной религіи нашей, которая теперешнихъ послѣдователей своихъ все еще называетъ тѣмъ же именемъ, которымъ она называла давно исчезнувшихъ *древнихъ* послѣдователей своихъ. Если идеалами нашихъ отдаленныхъ предковъ были ихъ родная Палестина и ихъ родной библейскій языкъ, то это было вполне естественно; но если *мы*, теперешніе евреи, давно уже не имѣющие ничего общаго ни съ Палестиной, ни съ библейскимъ языкомъ, хотимъ сдѣлать эту страну и этотъ языкъ своими идеалами, то это не только совершенно лишено всякаго логическаго основанія, но и совершенно противоестественно.

Вы видите слѣдовательно, что древне-израильскій націонализмъ, а слѣдовательно и вызванный имъ Сіонизмъ, какъ *естественный* идеаль самъ для себя у насъ не существуетъ и существовать не долженъ. Но можетъ быть Сіонизмъ хорошъ съ *утилитарной* точки зрѣнія, т. е. можетъ быть онъ хорошъ какъ способъ для прекращенія страданій нашихъ братьевъ? Если Палестино-израильскій народъ умеръ, то можетъ быть полезно было бы, чтобы мы искусственно *воскресили* его? Можетъ быть для матеріальнаго и нравственнаго спасенія милліоновъ людей, страдающихъ за еврейскую вѣру, полезно объединить ихъ тѣмъ языкомъ, на которомъ когда-то говорили іудеи, соединить ихъ на той землѣ, которая когда-то была населена іудеями, дать имъ тамъ политическую самостоятельность и т. д.?

Какъ ни увлекательна подобная мечта съ перваго раза, зрѣлое обмышленіе заставляетъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: „Нѣтъ, положительно нѣтъ! это утопія, которая сбыться не можетъ, а еслибы она даже когда-либо могла сбыться, то она въ концѣ концовъ ни къ чему не повела-бы“. Во первыхъ снимите на минуту, Сіонисты, пелену съ увлеченныхъ глазъ вашихъ и посмотрите, какъ шатки, какъ дѣтски-фантастичны тѣ данныя,

на которыхъ вы строите свои надежды. Вы говорите: „Мы заселимъ Палестину и затѣмъ поднимемся противъ Турціи, или, какъ вы говорите, мы останемся вѣрными подданными Турціи, но на какихъ-то особыхъ условіяхъ и правахъ; мы соберемъ деньги и откупимъ Палестину отъ Турціи, устроимъ государство, будемъ имѣть консуловъ и т. д.“ Но если даже допустить, что у насъ есть огромныя силы, что есть много милліоновъ капитала, что есть сотни тысячъ евреевъ готовыхъ тронуться со своихъ мѣстъ и пойти въ Палестину, то неужели вы думаете, что Турція, которой Сіонизмъ вѣдь извѣстенъ, смиренно допустить такую обширную колонизацію, которая могла бы стать для нея опасной? Вѣдь съ нами, живущими *внѣ* ея, ей даже и бороться не придется,—она просто не будетъ насъ впускать что она уже теперь дѣлаетъ, хотя ей съ нашей стороны абсолютно ни малѣйшая опасность еще не угрожаетъ; а если она за большія деньги и согласится открыть намъ входъ, то кто же ей запретитъ при малѣйшихъ признакахъ нашего окрѣпленія сказать намъ: „стой! больше не впускаю!“? Неужели вы думаете, что государства такъ легко покупаются, особенно еще такой огромной важности край, какъ Палестина, который вѣдь не можетъ быть сравненъ съ какою-нибудь ничего не значущей Аляской? Подъ вліяніемъ такой прекрасной декораціи, какъ конгрессы, народное знамя, народный банкъ, раздутыя свѣдѣнія о массахъ подписываемыхъ акцій, одобрительныя слова тѣхъ или другихъ лицъ, вы энтузіазмированы; но беспочвенный энтузіазмъ скоро проходитъ, оставляя послѣ себя еще большее угнетеніе духа. Государства не покупаются и за милліарды, не говоря уже о тѣхъ крошечныхъ суммахъ, которыми вы можете когда-либо располагать. Если даже допустить, что эта утопія сбылась, то какъ вы соедините въ одинъ органической народъ чуждые другъ другу еврейскіе элеметны, не имѣющіе общаго языка и не имѣющіе ничего общаго кромѣ религіи, да и то даже общей только съ виду и съ названія, но непримиримо различной у разныхъ партій по сущности своей? Напрасно вы ссылаетесь на примѣры другихъ народовъ, которые по вашему мнѣнію воскресли, напримѣръ греки, болгаре и т. п.; тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сравненія, ибо тѣ народы никогда не умирали, они жили на своей землѣ, имѣли свой языкъ, и имъ оставалось только свергнуть съ себя навязанное имъ иго, а не воскресить себя. Но допустимъ наконецъ, что всѣ фантазіи,

одна другой неисполнимѣе, какимъ-то чудомъ сбылись, — что же тогда будетъ? Въ самомъ лучшемъ случаѣ въ Палестину перейдетъ съ теченіемъ времени одинъ миллионъ евреевъ, а девять миллионовъ, т. е. почти все еврейство, волей неволей останется на своихъ мѣстахъ, и что же съ ними будетъ? Какъ не родившіеся въ Палестинѣ, они не могутъ даже имѣть своихъ консуловъ; но будемъ уже фантазировать дальше и допустимъ, что какимъ-то фокусомъ все внѣпалестинское еврейство приписалось къ Палестинскому подданству и стоитъ подъ защитой консуловъ, — что же они выиграютъ? Что никто не посмѣетъ ихъ бить и рѣзать безъ суда? но вѣдь для полученія *этого* права имъ не нужно консуловъ, ибо этимъ правомъ они, по крайней мѣрѣ оффиціально, пользуются повсюду уже и теперь, и никакихъ новыхъ правъ консулы для нихъ не выработаютъ; противъ ненависти же и презрѣнія окружающихъ не защитятъ ихъ никакіе консулы. Въ глазахъ міра *жиды останутся жидами*, и все останется по старому. Выиграетъ, слѣдовательно, только одна очень незначительная часть еврейства, которая будетъ имѣть возможность пойти въ Палестину; все же остальное огромное большинство, которое не будетъ имѣть возможности уйти туда, не только ничего не выиграетъ, но положеніе ихъ еще значительно ухудшится, ибо тогда-то именно наши преслѣдователи получаютъ нѣкоторую моральную почву подъ ногами и на каждомъ шагу будутъ кричать намъ: „убирайтесь въ свою Палестину!“ Но наконецъ даже упомянутая небольшая горсть евреевъ въ самой Палестинѣ, выиграетъ ли хоть *она* что нибудь? Нѣтъ, ибо дѣйствительныя картины *будущей* Палестины будутъ очень сильно разниться отъ поэтическихъ картинъ *бывшей* Палестины. De jure Палестина принадлежитъ теперь Турціи; допустимъ, что совершится рядъ чудесъ и Палестина перешла въ руки евреевъ, тогда вѣдь и имъ она будетъ принадлежать только de jure; de facto же Палестина давно уже принадлежитъ и будетъ всегда принадлежать могущественному христіанскому міру, который на каждомъ шагу имѣетъ тамъ самыя священныя святыни свои, объ устраненіи или ослабленіи которыхъ не дерзнетъ мечтать даже самый отчаянный фантазеръ и утопистъ. Какъ жалко же было бы тамъ положеніе евреевъ въ роли мнимыхъ хозяевъ страны! въ такъ называемомъ домѣ своемъ имъ было бы гораздо хуже, чѣмъ на чужбинѣ, ибо на каждомъ шагу они были бы

связаны, все было бы имъ запрещено. Въ своемъ домѣ евреямъ не захочется быть смиренными рабами, и стычки съ христіанами вѣчно будутъ; но какъ бы евреи ни были даже смиренны, они ископныхъ враговъ не удовлетворятъ, вѣчно будутъ крики на такъ называемое еврейское нахальство, все это будетъ горько отзываться на евреяхъ всего земного шара; евреи въ Палестинѣ будутъ вѣчно какъ на вулканѣ; они будутъ тамъ въ положеніи тѣхъ евреевъ, которые когда-то въ Малороссіи арендовали церкви и были потомъ безчеловѣчно вырѣзаны; не прекратятся въ Палестинѣ давленія и волненія до тѣхъ поръ, пока наконецъ все это не кончится опять изгнаніемъ евреевъ.

Подведемъ же теперь итогъ всему вышесказанному, и мы поймемъ, что сущность Сіонизма состоитъ въ слѣдующемъ: **Во имя идей, не имѣющихъ никакой логической подкладки, мы стремимся къ цѣли, не имѣющей никакихъ шансовъ на достиженіе; мы стремимся туда дорогами, проложенными въ воздухѣ и вымощенными однѣми только теоріями и фантазіями; если же допустить уже, что для насъ совершится рядъ чудесъ и что эти фантастическія дороги привели насъ къ нашей утопической цѣли,—то тогда...тогда мы увидимъ, что послѣ всего этого ряда чудесъ мы... въ концѣ концовъ ничего не достигли, что все осталось по старому, что все стало даже гораздо хуже!**

Мы знаемъ, Сіонисты, что слова наши будутъ вамъ неприятны и вы, можетъ быть, заткнете себѣ уши, ибо трудно отречься отъ мечты, въ которую вѣрится *хочется*; трубные звуки, военные гимны и заманчивыя миражныя картины легко воспламеняютъ и опьяняютъ, и этимъ объясняется то модное увлеченіе Сіонизмомъ, которое охватило теперь такое множество нашихъ братьевъ. Но не будемъ дѣтьми, играющими въ солдаты и самоувѣренно выступающими въ своей дѣтской комнатѣ противъ бури и скалъ, львовъ и тигровъ; помните, что отъ насъ ждутъ спасенія 10 милліоновъ страдающихъ братьевъ нашихъ и что намъ не позволительно заниматься поэзіей и *мечтатъ*, но что мы обязаны *мыслить*.

II.

Что же намъ дѣлать? Оставаться въ теперешнемъ положеніи невозможно, ибо оно несносно и мы непремѣнно должны искать выхода изъ него, если уже не ради себя самихъ, то ради дѣтей и потомковъ нашихъ и ради милліоновъ темныхъ беспомощныхъ братьевъ нашихъ, которые отъ насъ, интеллигенціи, ожидаютъ и вправдѣ ожидать спасенія. Но тѣ дороги, которыя намъ до сихъ поръ указывались, а именно псевдо-ассимиляція и сіонизмъ, составляютъ, какъ мы выше доказали, ни на чемъ не основанную и ни къ чему не ведущую игру словъ и пустую фантазію. Что же, спрашивается, намъ дѣлать и въ чемъ искать спасенія?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего хорошенько и основательно уяснить себѣ *сущность* главную *причину* нашего исключительнаго положенія между народами, словомъ сущность и причины „еврейскаго вопроса“. Причинъ этихъ какъ будто искали и Сіонисты, но они совершали свое изслѣдованіе слишкомъ поверхностно и субъективно: безъ всякой самостоятельной критики они ухватились слѣпо за ту причину, которая была ошибочно выставлена въ отдаленной древности, а именно: наше изгнаніе изъ земли нашей, нашъ „голусъ“; подъ вліяніемъ бессознательной традиціи они ухватились за одинъ изъ *симптомовъ* нашей болѣзни и указали на него какъ на *суть* и *причину*, ни на минуту не задавая себѣ вопроса, есть ли этотъ симптомъ дѣйствительно причиной или только однимъ изъ *слѣдствій* нашей болѣзни и исчезнетъ ли болѣзнь съ устраненіемъ этого симптома, если онъ вообще устранимъ безъ удаленія вызвавшей его причины.

Посмотримъ, въ чемъ состоитъ нашъ „голусъ“ и откуда онъ явился. Обыкновенно объясняютъ его слѣдующимъ образомъ: „Въ древности еврейскій народъ былъ побѣжденъ и обезсиленъ и сыны его должны были разсѣяться по чужимъ странамъ; оттуда начался голусъ и безконечныя страданія евреевъ“. Но не трудно доказать, что это объясненіе ложное. Изъ исторіи

намъ извѣстно вѣдь очень хорошо, что не одни евреи были побѣждены, обезсилены и разсѣяны; такая судьба постигла раньше или позже *все* извѣстные намъ древніе народы, которые взаимно убивали, поглощали и замѣняли другъ друга на міровой аренѣ. Слѣдовательно, лишь только какой-нибудь изъ этихъ народовъ былъ побѣжденъ, для него въ силу вышеприведеннаго объясненія сейчасъ же долженъ былъ начаться голусъ и вѣчный „вопросъ“. А такъ какъ въ теченіе всей исторіи чело-вѣчества такихъ народовъ и народцевъ было огромное множество, то слѣдовательно теперь должно было бы быть безчисленное множество различныхъ „голусовъ“ и „вопросовъ“. А между тѣмъ извѣстно, что изъ всего огромнаго множества древнихъ народовъ, которые лишились своей самостоятельности, только одинъ еврейскій народъ подвергся такому странному и безпримѣрному въ исторіи явленію, какъ нашъ многовѣковой и въ будущемъ повидимому безконечный голусъ. Ясно, слѣдовательно, что причина нашего исключительнаго и ненормальнаго положенія кроется не въ томъ, что наши отдаленные предки были когда-то побѣждены и лишены земли своихъ отцовъ; а если не въ этомъ явленіи кроется причина еврейскаго вопроса, то слѣдовательно уже напередъ можно было бы сказать, что не въ устраненіи этого явленія заключается рѣшеніе еврейскаго вопроса.

Наше исключительное и ненормальное положеніе вызвано не потерей земли и самостоятельности—потерей, выпавшей на долю *всѣхъ* древнихъ народовъ—а чѣмъ-то другимъ, присущимъ спеціально намъ. Вотъ это „нѣчто спеціально наше“, которое такъ отличило нашу исторію и судьбу отъ исторіи и судьбы другихъ народовъ, мы и должны прежде всего отыскать, если мы желаемъ узнать истинную причину возникновенія еврейскаго вопроса, а слѣдовательно и дорогу, ведущую къ его разрѣшенію.

Всякій народъ, оказавшійся разъ въ положеніи евреевъ, т. е. побѣжденный и разгромленный на столько, что о политическомъ его оживленіи уже не могло быть рѣчи, подвергался постепенно слѣдующимъ метаморфозамъ: если это былъ народъ слабый и съ низкою степенью культуры въ сравненіи съ народомъ побѣдившимъ, онъ просто всасывался въ окружающіе элементы, принималъ постепенно ихъ языкъ, вѣру, нравы, и по истеченіи нѣкотораго времени совершенно исчезалъ изъ исторіи; если побѣжденный народъ въ сравненіи съ побѣдителями

обладать одинаково могучимъ духомъ и высокою культурою, тогда онъ не исчезалъ въ окружающихъ элементахъ, а только *смѣшивался* съ ними, создавая постепенно народъ *новый, средний*, не идентичный ни съ бывшими побѣдителями, ни съ бывшими побѣжденными; если наконецъ побѣжденные стояли на болѣе высокой степени культуры, чѣмъ побѣдители, тогда они, не смотря на свою побѣжденность, прямо *всасывали* въ себя побѣдителей и создавали народъ, который, правда, носилъ имя побѣдителей по по духу и сущности своей гораздо болѣе напоминалъ побѣжденныхъ. Такъ, на примѣръ, разгромленный и разсѣянный по всему тогдашнему міру Римскій народъ номинально исчезъ, правда, изъ исторіи, но въ дѣйствительности онъ во многихъ мѣстахъ только преобразился въ народы съ чисто римскимъ характеромъ (романскіе народы). Такимъ образомъ мы видимъ, что побѣжденность и политическая уничтоженность нисколько не составляли исключительнаго удѣла евреевъ, а выпали раньше или позже на долю *всѣхъ* народовъ, прожившихъ известное количество столѣтій; но всѣ эти народы, какимъ бы духомъ и характеромъ они ни обладали, на какой бы ступени культуры они ни стояли, послѣ своего политическаго уничтоженія подвергались мало по малу одному и тому-же великому и непреложному закону исторіи: *взаимному всасыванію и смѣшенію съ окружающими элементами*. И хорошо имъ было: нѣкоторое короткое время они страдали, но, по мѣрѣ смѣшенія элементовъ, эти страданія мало по малу совершенно исчезали, побѣжденные вмѣстѣ съ побѣдителями, слившись воедино, шли впередъ, постоянно омлаждая челоуѣчество, замѣняя въ немъ одряхлѣвшіе элементы болѣе юными, испортившіеся соки болѣе свѣжими. Одинъ только еврейскій народъ воспротивился этому общему закону исторіи, и когда теченіе событій сказало ему „умри и смѣшайся съ окружающими тебя элементами“, онъ безсознательно отвѣтилъ: „я не могу умереть!“ И вотъ тогда возникаетъ несчастная фигура вѣчнаго жида, который въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій бродитъ по міру безъ отдыха и пристанища, гонимый и преслѣдуемый, дряхлый и согбенный; безконечный рядъ народовъ одинъ за другимъ умираетъ на его глазахъ, а онъ упорно стоитъ, вѣчно и вѣчно, словно живой протестъ противъ самыхъ элементарныхъ законовъ природы и исторіи.

Вотъ въ этой-то нашей невозможности исторически умереть, т. е. смѣшаться съ окружающими элементами, растворяясь въ

нихъ или растворяя ихъ въ себѣ и создавая вмѣстѣ съ ними новые народы, въ этой тупой и безцѣльной окаменѣлости и бесплодности, которая не приноситъ намъ ни радости, ни славы, въ этомъ заключается то единственное „нѣчто“, которымъ наша исторія разнится отъ исторіи другихъ народовъ и благодаря которому она приняла такое ненормальное теченіе; въ этой невозможности ни всасывать, ни всасываться, заключается, слѣдовательно, первоначальная и фундаментальная причина всего „еврейскаго вопроса“. Нашъ „голусъ“, какъ мы видѣли изъ многочисленныхъ историческихъ аналогій, представляетъ, слѣдовательно, не *причину* нашей болѣзни, а только одно изъ *слѣдствій* ея. Онъ заключается въ насъ самихъ, онъ созданъ нами самими, онъ тѣсно и нераздѣльно связанъ съ *сущностью* и *внутреннимъ строемъ* еврейства и поэтому никогда не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока мы не измѣнимъ этой сущности нашей. Политическую самостоятельность теряли многіе народы, и не мало такихъ народовъ есть и въ наше время; но *голусъ* и соединенная съ нимъ озлобленная ненависть и презрѣніе со стороны окружающихъ достались въ удѣлъ однимъ только евреямъ и проходятъ красною нитью черезъ всю ихъ исторію. Едва успѣли сыновья Якова положить начало еврейскому народу, народъ этотъ уже уходитъ къ Египтянамъ въ голусъ, и уже возникаетъ антисемитизмъ, такъ разительно напоминающій уже не только сутью, но даже формою и пускаемыми въ ходъ выраженіями антисемитизмъ современный! Но тогда еще легко было вывести евреевъ изъ голуса, такъ какъ они все таки были всѣ вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ. Они опять основали самостоятельный народъ и государство. Но не успѣли они слишкомъ долго насладиться самостоятельностью, какъ они опять попадаютъ въ голусъ—не въ обыкновенное *порабощеніе* подобно другимъ народамъ, какому они подвергались уже раньше, на примѣръ со стороны филистимлянъ, а въ типичный, безпримѣрный у другихъ народовъ, еврейскій голусъ, опять таки съ тѣмъ озлобленнымъ антисемитизмомъ, который во всемъ такъ разительно напоминаетъ антисемитизмъ современный (сравните на примѣръ слова Гамана со словами теперешнихъ антисемитовъ!). Но и изъ этого голуса имъ какъ-то удалось еще выйти благодаря тому, что онъ продолжался недолго, что они были всѣ вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ,—хотя и то освободились они не собственной доблестью, а только благодаря невозможной

въ наше время милостивой прихоти персидскаго царя. Не успѣли они устроиться, какъ уже опять начинается рядъ порабощеній, а вслѣдъ за этимъ опять является въ третій разъ типичный, ни у какого народа не встрѣчаемый „голусъ“, но на этотъ разъ уже голусъ тяжелый и окончательный, который тянется уже почти два тысячелѣтія и которому конца уже никогда не предвидится, ибо съ того времени условія жизни уже сильно, очень сильно перемѣнились! Евреи уже не живутъ вмѣстѣ гдѣ-нибудь въ двухъ шагахъ отъ Палестины, а разсѣяны по всему земному шару; языкъ свой и возможность понимать другъ друга они давно потеряли, условія для массовыхъ переселеній народовъ давно уже исчезли; возвращеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ евреевъ въ Палестину было бы уже только каплей въ морѣ, которая не заставила бы все остальное еврейство исчезнуть, а еврейской исторіи концентрироваться на этихъ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ; чудесъ теперь уже нѣтъ, а милостивые капризы какого-нибудь государя, которому подчинены были бы одновременно и Палестина, и все еврейство, теперь уже не мыслимы; сама Палестина давно уже не представляется тѣмъ индифферентнымъ для міра кускомъ земли, какъ когда-то, и полна непреодолимыхъ препятствій для насъ. Словомъ теперь о возвращеніи еврейскаго народа въ Палестину, какъ мы выше доказали, не можетъ уже быть и рѣчи; еслибы даже милліону евреевъ удалось основать опять въ Палестинѣ еврейское государство, это—какъ мы выше доказали—голуса остальныхъ девяти милліоновъ, т. е. почти всего еврейства, не только не уничтожило бы, но ни на волосъ не ослабило бы. Наконецъ если даже допустить такую дѣтскую фантазію, что какимъ-либо сверхъестественнымъ чудомъ *всѣ* евреи переселились бы въ Палестину—мы по аналогіи съ тремя бывшими уже голусами, а тѣмъ болѣе теперь, при разобранномъ нами выше „вулканическомъ“ характерѣ Палестины, должны ожидать, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ все равно наступятъ....новый, четвертый голусъ! *Ибо какъ теоретическія размышленія, такъ и сравненіе исторіи евреевъ съ исторіей другихъ народовъ показываетъ намъ вполне ясно и неоспоримо, что причины еврейскаго голуса находятся не внѣ еврейства, а внутри его, въ самой сущности и въ самомъ строѣ еврейства. Всякая попытка рѣшить еврейскій вопросъ безъ устраненія этого рокового элемента изъ самой сущности еврейства должно слѣдовательно всегда оставаться совершенно*

безплодной. Не въ политическомъ положеніи нашемъ кроется причина вѣчнаго еврейскаго вопроса, а въ самомъ строѣ еврейства.

Намъ, евреямъ, пришлось разочароваться уже во многихъ ложныхъ надеждахъ, и увлечься теперь новою иллюзіей, обѣщающей намъ рѣшеніе еврейскаго вопроса путемъ устраненія какого-нибудь ничего не значущаго побочнаго явленія вмѣсто основной причины нашихъ страданій—намъ уже не простительно. Мы находили причину еврейскаго вопроса въ нашей темнотѣ,—мы просвѣтились, и на насъ стали еще больше нападать; мы мечтали о достиженіи гражданскихъ правъ, какъ о какомъ-то даже не достижимомъ, самомъ идеальномъ и окончательномъ рѣшеніи еврейскаго вопроса,—мы во всей западной Европѣ уже достигли этого, а наше положеніе тамъ все таки не стало лучше. Теперь мы увлеклись мечтой о восстановленіи древняго еврейскаго государства—мечта уже совершенно несбыточная, какъ мы выше доказали; но если бы даже мы достигли ея исполненія, мы опять таки, послѣ самыхъ тяжелыхъ и колоссальныхъ жертвъ, съ горькимъ разочарованіемъ убѣдились бы, что положеніе наше нисколько не стало лучше и что общеміровая ненависть къ намъ не только не уменьшилась, но даже еще увеличилась! Перестанемъ же наконецъ обманывать себя самихъ модными и громкими фразами и на основаніи ихъ увлекаться палліативами, поищемъ *корня* еврейскаго вопроса и постараемся устранить зло въ этомъ *корнѣ*; только тогда будетъ возможно рѣшеніе еврейскаго вопроса. Корень всего еврейскаго вопроса кроется, какъ мы видѣли выше, въ еврейской *религіи*; слѣдовательно не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣшеніе еврейскаго вопроса возможно только и единственно путемъ измѣненія еврейской *религіи*, а всякія остальные попытки рѣшенія еврейскаго вопроса будутъ только тратой времени и переливаніемъ изъ пустого въ порожнее и взамѣнъ за наши тяжелыя жертвы дадутъ намъ только новый рядъ разочарованій и постоянное ухудшеніе нашего положенія.

Гдѣ же въ еврейской религіи находится то роковое „нѣчто“, которое легло тяжелымъ бременемъ на всю судьбу евреевъ, на всю ихъ исторію, и отъ самаго начала возникновенія еврейской религіи до нашихъ временъ и до нескончаемаго времени будущаго обрекло евреевъ на вѣчныя страданія, на вѣчную

ненависть и презрѣніе окружающихъ, словомъ на вѣчный „голусъ“, на тотъ типичный еврейскій голусъ, котораго мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ когда-либо жившихъ или живущихъ народовъ и который у евреевъ за очень небольшими перерывами является неразлучнымъ спутникомъ всей ихъ безконечно долгой исторической жизни и всякій разъ, будучи временно отброшенъ, неминуемо является опять? Кроется-ли это роковое нѣчто въ основной религіозно-философской идеѣ еврейской религіи? Нѣтъ; мы видимъ различныя религіи съ самыми различными идеями, отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ низкихъ, и нигдѣ основа религіи голуса не вызываетъ. Основная идея еврейства вѣдь совершенно та же самая, что у христіанства, однако эта идея у христіанъ никакого голуса не вызываетъ. Кроется ли это нѣчто въ законахъ и церемоніяхъ іудаизма? Опять таки нѣтъ, по той же самой причинѣ, о которой мы только что говорили. Это „нѣчто“ цѣликомъ кроется въ одномъ пунктѣ еврейства, а именно: въ *спаянности религіи съ національностью*. Этимъ пунктомъ дѣйствительно еврейская религія роковымъ образомъ отличается отъ всѣхъ другихъ религій.

Когда первые евреи впервые произнесли несчастныя слова „Богъ заключилъ съ нами завѣтъ“, тогда положено было начало безконечному еврейскому голусу, и невольно хочется видѣть въ этомъ тяжелое наказаніе со стороны разгнѣваннаго Божества за профанацію и эгоистическую націонализацію Его имени. Ни въ одной болѣе или менѣе выдающейся религіи, ни монотеистической, ни языческой, мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ. Нѣчто *съ виду похожее*, но ничуть не *идентичное*, мы встрѣчаемъ, правда, у языческихъ народовъ древности и у современныхъ дикихъ племенъ; но это сходство только *кажущееся*: тамъ мы имѣемъ дѣло не съ Богомъ всего міра, который заключилъ будто бы союзъ специально съ однимъ народомъ, а съ богами *мѣстными*, не съ религіозной *идеей*, а съ завѣдомо національною принадлежностью, такою же, какъ мѣстный языкъ, обычаи и т. п. Такая религія могла быть національною и при этомъ все таки нисколько не вліять на судьбу своихъ приверженцевъ; эти послѣдніе, переселяясь въ новую страну, вполне естественно и безъ малѣйшихъ препятствій со стороны совѣсти начинали поклоняться новымъ богамъ, ибо имъ казалось вполне натуральнымъ, что каждая страна имѣетъ особыхъ боговъ,

которымъ новопривышіе должны поклоняться и которые вполне равносильны богамъ ихъ родины. Выраженіе „твой богъ будетъ отнынѣ моимъ богомъ“ было такимъ же обычнымъ, естественнымъ и никого не шокирующимъ явленіемъ, какъ выраженіе „твоя страна будетъ отнынѣ моею страной, твой языкъ моимъ, твоя семья моею“. Всѣ эти народы, слѣдовательно, не смотря на мнимо-національныя религіи свои, могли вполне свободно взаимно всасываться между собою. Когда же появлялась гдѣ-нибудь религія какъ міровоззрѣніе *философское*, все равно, было ли это языческое или монотеистическое, она ничего общаго съ національностью не имѣла и считала бы подобную общность съ религіозной точки зрѣнія даже прямымъ абсурдомъ; таковы напримѣръ религіи Конфуція, Будды, Магомета. Эти религіи опять таки не являлись, слѣдовательно, ни малѣйшимъ препятствіемъ для взаимнаго всасыванія народовъ, съ тою только разницею, что религіи высшія по отношенію къ нисшимъ теряли, правда, способность всасываться, но за то въ той же мѣрѣ пріобрѣтали увеличенную способность *всасывать*, при чемъ отъ всасываемыхъ ими адептовъ нисшихъ религій онѣ никогда не требовали отреченія отъ своей національности. Одни только евреи возимѣли несчастную мысль дать міру этически-философское міровоззрѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно и неразлучно связать его съ одной національностью! И горько они заплатились за это! Еврейская религія, которая по существу своему призвана была разлиться широкой волной по всему міру, съ самаго начала обложила себя оковами и явилась міру не какъ монотеизмъ, а какъ *иудаизмъ*. И этимъ она уже при самомъ рожденіи своемъ принесла съ собою на свѣтъ Божій приговоръ вѣчнаго голуса своимъ адептамъ, такъ какъ сдѣлала для нихъ совершенно невозможной всякую всасываемость и даже прямо почти всякое общеніе съ окружающими элементами, дѣлая ихъ такимъ образомъ повсюду вѣчно чужими. Всасываться въ чужіе народы они не могли потому, что ихъ религія признаетъ только *одного* Бога для всѣхъ странъ, и Богъ этотъ не можетъ быть замѣняемъ; всасывать въ себя они тоже не могли, потому что ихъ религія дана не всѣмъ тѣмъ, которые ищутъ истины и соглашаются исполнять данные законы, а только *сынамъ Израиля*. Большинство законовъ, праздниковъ, повелѣній, вложенныхъ въ уста самого Бога, слѣдовательно неотмѣнимыхъ, приноровлено спеціально къ еврейскому народу, еврейскому государству,

еврейской исторіи. Наконецъ самая первая изъ самыхъ фундаментальныхъ заповѣдей еврейской религіи гласить: „Я Богъ твой, который *вывелъ тебя изъ земли Египетской*“. Слѣдовательно для всякаго не-израильтянина по происхожденію еврейская религія по самому существу своему оказывалась всегда недоступной и прямо обидной и вызывающей, какой-то эгоистической окаменѣлостью, которая не способна ни всасываться, ни всасывать въ себя и всѣмъ колеть глаза и мѣшаетъ. Всякая другая семья на мѣстѣ сыновей Якова, переѣхавши въ Египетъ, не имѣла-бы никакихъ страданій,—вѣдь такія переселенія семействъ происходятъ во множествѣ сплошь да рядомъ: они скоро приросли бы къ новой родинѣ, сжились бы съ Египтянами, начали бы сливать Египтянъ съ собою, т. е. распространяли бы свою вѣру, или, на половину смѣшавшись съ Египтянами, положили бы тамъ-же начало новому государству; евреямъ-же достался въ удѣлъ голусъ со всѣми его подробностями, которая такъ типично и такъ специфически для однихъ только евреевъ повторялись потомъ все на-ново и на-ново почти во всей будущей исторіи евреевъ: полною отчужденностью и беспочвенностью, озлобленной ненавистью и презрѣніемъ со стороны окружающихъ, гетто, и т. п. И въ этомъ была не вина евреевъ, потому что нельзя же допустить, что семья Якова была создана изъ иной плоти и крови, чѣмъ все остальное человѣчество; виновать былъ въ этомъ только тотъ нигдѣ во всемъ мірѣ кромѣ еврейства не встрѣчаемый религіозный націонализмъ, который несчастнымъ образомъ легъ краеугольнымъ камнемъ въ основу еврейской религіи и который дѣлалъ для евреевъ всегда недоступнымъ всякое общеніе съ окружающимъ міромъ. Эта каменная стѣна, которою еврейство себя окружило, вызывала противъ нихъ всегда ненависть и презрѣніе даже въ то время, когда они еще составляли одну семью, жили всѣ вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ; но тогда по крайней мѣрѣ это отчасти уравновѣшивалось тѣми благами, которыя давала національность; теперь же, когда отъ еврейской національности, какъ мы видѣли выше, давно уже не осталось ни слѣда, мы оказываемся прикованными просто къ *трупцу*. Локально-родовая форма еврейской религіи въ настоящее время является уже не только философско-религіознымъ абсурдомъ, но и полнѣйшимъ анахронизмомъ; и до тѣхъ поръ, пока эта форма будетъ существовать, страданія евреевъ никогда, никогда не прекратятся ни отъ либерализма

народовъ, ни отъ Сіонизма, и черезъ 100 и черезъ 1000 лѣтъ къ еврейству всегда съ одинаковой силой будутъ относиться вѣщія слова Гейне: „Das Judenthum ist keine Religion, es ist ein Unglück“.

Итакъ, резюмируя все изложенное нами, повторяемъ: Не смотря на кажущійся религіозный индифферентизмъ нашего вѣка, не смотря на то, что теперь принято говорить такъ мало о религіяхъ, а такъ много о расахъ, націяхъ, экономическихъ вопросахъ и т. п., все несчастіе евреевъ и весь еврейскій вопросъ заключается исключительно только въ еврейской *религии*; не въ *этике*, которая принадлежитъ къ области философіи и которая у интеллигентнаго антисемита такая-же, какъ у интеллигентнаго еврея, у крещенаго еврея такая-же, какъ у не крещенаго, а именно въ *религии*, въ религіозномъ строѣ. Рѣшеніе еврейскаго вопроса и уничтоженіе еврейскаго голоса возможно слѣдовательно только путемъ *измѣненія еврейской религии*.

Тутъ является вопросъ, *слѣдуетъ* ли намъ измѣнить свою религію, чтобы этимъ путемъ спасти отъ страданій свое потомство? Если бы мы знали, что тѣ стороны нашей религіи, за которыя мы страдаемъ, заключаютъ въ себѣ нѣчто возвышенное и идеальное, мы измѣнить ихъ *не* должны были бы, хотя бы даже намъ приходилось страдать за нихъ въ десять разъ больше теперешняго; но впрочемъ....тогда бы мы и не страдали, потому что сознаніе исполняемаго долга, сознаніе того, что мы страдаемъ за великую идею, съ избыткомъ вознаграждало бы насъ за наши страданія. Но такъ какъ мы, интеллигентные евреи, всѣ сознаемъ, что та внѣшняя форма еврейской религіи, на которую мы указали какъ на причину всѣхъ еврейскихъ страданій, не содержитъ въ себѣ ровно ничего особенно идеальнаго, такъ какъ она ничуть не составляетъ нашихъ убѣжденій, мы ее совершенно не исполняемъ, видимъ въ ней только пустой звукъ и часто даже просто стыдимся ея,—то спрашивается, во имя чего мы страдаемъ и обрекаемъ на страданія дѣтей нашихъ? Во имя фантома, пустого фантома, которому мы сами не приписываемъ никакого значенія! Если человекъ самъ добровольно, безъ всякой цѣли и идеи, топить себя въ болотѣ, то это глупо; но если онъ изъ-за одной слѣпой традиціи, потерявшей для него всякій смыслъ, даетъ тамъ тонуть своимъ слѣпымъ братьямъ, своимъ безпомощнымъ дѣтямъ, и не дѣлаетъ ни малѣйшей

попытки вывести ихъ оттуда, то это уже не глупо, а прямо нечестно. Еврейская религія, которая по основной идеѣ своей представляетъ величайшее и геніальнѣйшее произведеніе человѣческаго ума и сердца, — силою измѣнившихся обстоятельствъ, къ которымъ мы не приноровились, превратилась къ сожалѣнію въ подобное несчастное болото, въ которомъ всѣ мы тонемъ, сами не зная уже, во имя чего; поэтому стараться вывести оттуда себя, своихъ братьевъ и дѣтей, мы не только *можемъ*, но мы *должны*, мы *обязаны* это сдѣлать. Со стороны нашихъ предковъ упорное отстаиваніе старыхъ еврейскихъ формъ было похвально и благородно, ибо они были убѣждены, что въ этомъ кроется святая истина и спасеніе; съ нашей же стороны это было-бы только нечестнымъ малодушіемъ, непростительнымъ индифферентизмомъ, котораго никакія софистическія фразы оправдать не могутъ; ибо мы знаемъ хорошо, что въ сохраненіи внѣшняго еврейства въ смыслѣ спеціальнаго союза Бога съ сынами Израиля нѣтъ никакой возвышенной идеи и что въ немъ кроются только вѣчныя страданія милліоновъ братьевъ нашихъ. Подобно тому, какъ мы, разъ убѣдившись въ гибельности невѣжества, обязаны были извлечь изъ него народъ нашъ, не смотря на то, что приходилось ломать традиціи, казавшіяся народу священными, такъ и теперь, убѣдившись, что теперешняя форма еврейства не содержитъ въ себѣ ничего священнаго, а только гибель и страданія, которымъ никогда конца не будетъ, мы должны вывести изъ нея братьевъ нашихъ, а не сидѣть сложа руки или кормить народъ беспочвенными фантазіями и оправдывать наше поведеніе любовью къ традиціямъ. Мы должны помнить, что темные братья наши имѣютъ въ насъ своихъ единственныхъ опекуновъ и что за ихъ судьбу мы несемъ тяжелую отвѣтственность передъ своею совѣстью.

Мы должны, слѣдовательно, измѣнить еврейскую религію. Измѣнить слѣдуетъ, разумѣется, прежде всего тотъ элементъ, который, какъ мы видѣли выше, составляетъ всю суть и причину вѣчныхъ еврейскихъ страданій, т. е. *ложно-національность* религіи, которая на нѣсколько тысячелѣтій остановило въ еврействѣ всякую способность диффузіи и возможность свободной эволюціи, а затѣмъ одновременно надо уже измѣнить и всѣ тѣ вредныя наслоенія, которыя накопились на еврействѣ въ теченіе безконечнаго голуса, связали евреевъ во всѣхъ отношеніяхъ по рукамъ и ногамъ, насильственно сѣзурили имъ выборъ

занятій, наложили губительную печать на ихъ характеръ и весь образъ ихъ дѣятельности, и ту чистую, высокую религію, о которой мечталъ Моисей и которую такъ точно поняли пророки, превратили въ предметъ всеобщаго презрѣнія и издѣвательства всего міра.

Мы знаемъ, конечно, что мы слишкомъ безсильны для того, чтобы сразу измѣнить религію десяти милліоновъ чело-вѣкъ; но мы къ подобной утопіи и не стремимся. Мы желаемъ только основать сначала скромную и небольшую реформиро-ванную еврейскую общину, которая, будучи лишена всѣхъ отрицательныхъ сторонъ теперешняго еврейства, представила бы собою нравственное убѣжище для всѣхъ тѣхъ, которымъ злосчастный еврейскій вопросъ вырвалъ всякую почву изъ-подъ ногъ; общину, которая имѣла бы всѣ данныя для того, чтобы постепенно втягивать въ себя все большія и большія массы еврейства до тѣхъ поръ, пока наконецъ все еврейство будетъ перелито въ эту новую форму и изъ группы людей всюду презираемой и чужой превратится постепенно въ группу людей всюду уважаемую и приросшую къ натуральной родной почвѣ безъ малѣйшихъ сдѣлокъ со своею совѣстью.

Въ первую минуту читатели вѣроятно очень скептически отнесутся къ словамъ нашимъ. Имъ извѣстно, что возникали уже различныя реформированныя секты, что онѣ еврейскаго вопроса нисколько не рѣшали, а оканчивались только полнѣйшимъ фіаско, и читателямъ покажется, что и мы хотимъ теперь преподнести имъ одну изъ такихъ смѣхотворныхъ сектъ. Успокойтесь, читатели: между нашимъ предложеніемъ и этими сектами есть только случайная общность названія, но ничего больше, ничего больше. Съ упомянутыми реформаторами мы сходимся подъ однимъ общимъ именемъ только *случайно*, подобно тому, какъ подъ общимъ именемъ реформаторовъ плагья могли бы сойтись врачъ, требующій отмѣны даннаго платья ради цѣлей гигиеническихъ, и модный портной, требующій реформы даннаго платья въ угоду салонному капризу. Разница между однимъ и другимъ громадная! Въ то время, какъ упомянутые реформаторы мѣняли религію только для себя, руководясь просто наугадъ тѣмъ, что имъ нравится или не нравится, что для нихъ удобно или неудобно, что по ихъ мнѣнію понравится окружающимъ или нѣтъ,—мы предлагаемъ приступить къ реформѣ еврейской религіи только по стольку, по сколько

мы въ этой религіи нашли корень и единственную причину всего еврейскаго вопроса. Изъ всего сказаннаго нами выше читатель уже напередъ пойметъ, что мы не предложимъ ему реформу какъ какую-то переходную забаву, которой суждено продержаться нѣсколько мѣсяцевъ и исчезнуть, а что мы предложимъ провести реформы (если онѣ будутъ одобрены еврейской интеллигенціей) осторожно, послѣдовательно и систематически, по строго обдуманному плану, руководясь не пустыми капризами моды, а серьезнымъ опытомъ исторіи, имѣя постоянно въ виду не мелкій личный комфортъ маленькой группы, а будущность той десятимилліонной массы, для постепеннаго притягиванія которой наша община назначается. Мы не порвемъ безъ надобности съ традиціями, которыя въ религіозныхъ вопросахъ играютъ огромную роль и устраненіе которыхъ обрекаетъ всякую реформу на неминуемое фіаско; мы не оторвемъ себя эгоистически и легкомысленно отъ нашей массы, оставляя ее на произволь судьбы, а себя самихъ ставя въ положеніе людей, которые отъ своихъ отстали, а къ чужимъ не пристали. Упомянутыя нами попытки не могли быть жизнеспособны уже просто потому, что въ самой основѣ ихъ лежала не какая-нибудь здоровая и честная идея, а стремленіе къ *смерти*: реформаторы *стыдились* еврейства и хотѣли какъ можно больше *стусшевать* его. Мы же, напротивъ, какъ читатели увидятъ, стремимся къ тому, чтобы нашу вѣроисповѣдную группу *укрѣпить*, чтобы открыто и гордо выставить ее на *показъ* передъ всѣмъ міромъ, но только дать ей твердую *почву*, дать ей *здоровую и нормальную жизнь* и, прекративъ ея вѣчное заискиваніе, обезьянничаніе и самоуниженіе, сдѣлать ее *достойною жизни* и заставить людей *уважать* ее. Наше предложеніе реформъ вызвано только желаніемъ достигнуть *рѣшенія еврейскаго вопроса*; въ этомъ слѣдовательно духъ только оно и будетъ нами проводимо, въ отличіе отъ тѣхъ легкомысленныхъ эфемерныхъ оторвавшихся отъ еврейства *сектъ*, съ которыми наше предложеніе ничего общаго не имѣетъ.

Тутъ первая мысль, которая вѣроятно инстинктивно придетъ въ голову нашимъ читателямъ, будетъ слѣдующая: „Національно-религіозное еврейство заключаетъ въ себѣ какую-то особую силу, противъ которой всякія попытки окажутся напрасными; это еврейство въ теченіе тысячелѣтій до сихъ поръ не исчезло, а слѣдовательно и въ будущемъ не исчезнетъ, не

смотря на всякія усилія и теоріи; еврейская масса никогда отъ узаконенной вѣками формы теперешняго еврейства не откажется“. Но мнѣніе это, не смотря на свою кажущуюся историческую силу, вполнѣ ошибочно: вся кажущаяся назидательность еврейскаго безсмертія моментально исчезнетъ, если мы логически уяснимъ себѣ *причины* этого страннаго безсмертія. Отличается ли еврейскій народъ дѣйствительно какою-то особою жизненностью, какъ могло бы показаться на первый взглядъ? Нѣтъ, исторія намъ показываетъ, напротивъ, что можетъ быть ни одинъ народъ не бросалъ своего языка и своей земли, т. е. всего своего національнаго „я“, такъ скоро, какъ евреи, и что отъ евреевъ давнымъ давно не было бы уже и слѣда, еслибы не ихъ религія. Стойкою оказалась, слѣдовательно, только еврейская *религія*. Но дѣйствительно ли она имѣетъ въ себѣ нѣчто вѣчнаго? Уже аргюгі можно сказать, что религія, какъ принадлежащая къ области *убѣжденій*, индивидуальной жизни не имѣетъ, а можетъ держаться только такъ долго, пока не появляется новое убѣжденіе, *лучшее и болѣе истинное*. Съ появленіемъ этого послѣдняго убѣжденія первое обрекается на неминуемую смерть, хотя бы оно раньше держалось въ теченіе тысячелѣтій и хотя бы казалось, что масса растерзаетъ всякаго, кто осмѣлится тронуть въ прежнемъ убѣжденіи хоть одинъ волосокъ. Такъ говоритъ намъ логика и такъ говорятъ намъ многочисленныя факты изъ области человѣческой мысли и человѣческихъ религій. *Каждый* народъ, каждый безъ исключенія, упорно держался своей старой религіи, сжигая живьемъ первыхъ проповѣдниковъ религіи новой, и судя по этому упорству, казалось, что и въ милліонъ лѣтъ онъ прежней своей вѣры не измѣнитъ,—а между тѣмъ проходило всего какихъ-нибудь 50 лѣтъ со дня появленія первыхъ проповѣдниковъ—и народъ оказывался всею массою перешедшимъ къ новой религіи. Отчего же одни только евреи такъ упорно держатся своей религіи, не смотря на то, что во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они оказались гораздо менѣе стойкими, чѣмъ другіе народы, и что на нихъ вѣдь производилось всегда давленіе гораздо болѣе жестокое, чѣмъ на всѣ другіе народы, если уже допустить мысль, что народы мѣняли религіи подъ давленіемъ и приказомъ своихъ правителей или побѣдителей? Созданы ли евреи изъ другой глины, чѣмъ всѣ народы, какъ говорятъ враги наши? Нѣтъ, причина этой стойкости очень натуральная: Въ то

время какъ *отдѣльныя* личности могутъ мѣнять свою религію вопреки своимъ убѣжденіямъ, изъ-за матеріальныхъ выгодъ, *массы* никогда этого дѣлать не могутъ, ибо массовая нечестность, массовая сдѣлка съ совѣстью невозможна; цѣлые народы могутъ поэтому мѣнять религію только тогда, когда новая религія стоитъ *выше* старой. Языческіе народы легко принимали христіанство, но никакія силы въ мірѣ не могли бы заставить какой-нибудь христіанскій народъ принять язычество. Когда языческіе народы встрѣтились съ христіанствомъ, они нашли въ немъ нѣчто высшее и должны были уступить; евреи же въ отношеніи къ христіанству оказались въ странномъ и исключительномъ положеніи: въ началѣ евреи принимали христіанство очень охотно, и первые христіане, какъ извѣстно, рекрутировались почти исключительно изъ евреевъ; но потомъ, при всей возвышенности чистаго христіанскаго ученія, евреи встрѣтились тамъ съ догматомъ персонификаціи, котораго они, какъ воспитанные вѣками на извѣстныхъ религіозныхъ принципахъ, принять никоимъ образомъ не могли; пропагандировать же *свою* религію они тоже не могли, вслѣдствіе генеалогически-національнаго характера этой религіи. Такимъ образомъ они оказались въ оригинальномъ безвыходномъ положеніи, безпримѣрномъ во всей исторіи человѣчества: разсѣянные между народами, они не могутъ ни раствориться въ нихъ, ни растворить ихъ въ себѣ. А такъ какъ религія, какъ и всякій формальный уставъ вообще, не можетъ постепенно самъ собою затираться безъ сознательнаго постановленія, какъ затираются языкъ, обычай и т. п., и такъ какъ массовое постановленіе со стороны евреевъ принять чужую религію, противорѣчащую ихъ основнымъ убѣжденіямъ, невозможно потому, что массовая сдѣлка съ совѣстью никогда не мыслима, то поэтому изолированность евреевъ остается вѣчною, производя ложное впечатлѣніе чего-то необыкновенно стойкаго и жизненнаго. Преслѣдуйте евреевъ сколько угодно, и еврейство все таки не исчезнетъ; превратите всѣхъ евреевъ поголовно въ атеистовъ, и еврейская религія все таки не исчезнетъ и всѣ эти атеисты будутъ все таки продолжать называть себя исповѣдующими еврейскую религію, а къ христіанству себя не припишутъ. Но въ этомъ ничуть не заслуга и не вина евреевъ, ни еврейской религіи. Евреи не созданы изъ другой плоти и крови, чѣмъ другіе народы. *Кажущаяся стойкость и жизненность*

староформеннаго еврейства происходитъ только отъ тѣхъ непреодолимыхъ стѣнъ, которыми окружающія религіи благодаря своимъ неозможнымъ для евреевъ догматамъ, а еврейская религія благодаря своему генеалогически-національному характеру оставили еврейство. Мы просимъ обратить вниманіе на этотъ фактъ, ибо только этотъ фактъ объясняетъ всю исторію евреевъ въ послѣднія двѣ тысячи лѣтъ и всю ненормальность ихъ положенія. Въ этомъ естественномъ обстоятельстве кроется весь секретъ всей сверхъестественной жизненности евреевъ и ихъ безконечнаго висѣнія между небомъ и землею. Стойкость и жизненность еврейства не кроются въ немъ самомъ, а только въ тѣхъ стѣнахъ, которыми онъ окруженъ; *каждый* народъ, попавши въ подобное исключительное положеніе, вопреки собственной волѣ и характеру оказался бы такимъ же никогда не умирающимъ „вѣчнымъ жидомъ“. Самый слабый ягненокъ, не смотря на всѣ терзанія, будетъ *поневоля* держаться упорнѣе самаго мужественнаго льва, если вы окружите его стѣнами, которыхъ онъ перескочить *не можетъ*. Въ положеніи такого ягненка находится и еврейскій народъ, нисколько не обладая какою-либо сверхъестественною стойкостью, какую многіе ошибочно ему приписываютъ, принимая слѣдствія за причину. Вникните въ это хорошенько, потому что въ этомъ кроется вся суть еврейскаго вопроса. Пробейте стѣну и дайте евреямъ возможность безъ невыносимой массовой лжи и униженія выйти на нейтральную почву, которая возвратитъ имъ утраченную еще въ отдаленной древности способность *всасывать и всасываться*, и все легендарное упорство и стойкость староформеннаго еврейства исчезнетъ какъ сонъ. Тѣ массы, которыя стоятъ теперь гранитною скалою на традиціяхъ временъ давно минувшихъ, пересыплются на новую почву гораздо легче и скорѣе, чѣмъ можно было бы предположить. Та же самая сплошная фанатическая масса, которая теперь кажется намъ абсолютно недоступной для новаго ученія, черезъ 50 или 100 лѣтъ будетъ вѣроятно такимъ же массовымъ фанатическимъ стражемъ новаго ученія, если, разумѣется, послѣднее будетъ ей дано въ доступной ей чувствамъ конкретной формѣ, а не въ видѣ холодной абстрактной философіи. Примѣры этому мы видимъ въ исторіи народовъ на каждомъ шагу, а еврей—повторяемъ—не созданы изъ другого матеріала, чѣмъ иные народы, а только находились до сихъ поръ въ исключительныхъ условіяхъ.

Такою нейтральною спасительною почвою для еврейскаго народа мы именно желаемъ создать подъ формою Гиллелизма, который, начавшись съ малой общины, будетъ скоро расти и усиливаться и постепенно поглотить въ себя все еврейство, превращая его изъ группы людей презираемой, всюду чужой и напрашивающейся—въ группу людей уважаемую, приросшую, подобно всѣмъ людямъ, къ матери-землѣ, сознающую и охраняющую свое собственное достоинство. Мы изложимъ сначала въ краткихъ словахъ сущность Гиллелизма, а затѣмъ объяснимъ, какимъ образомъ такое повидимому скромное дѣло, какъ основаніе первой общины Гиллелитовъ, положить начало постепенному, но безостановочному и вѣрному, реальному и благородному рѣшенію еврейскаго вопроса.

III.

Гиллелизмъ есть новая религіозная партія, которую предполагается нами создать на лонѣ существующей до сихъ поръ еврейской религіи, если наше настоящее обращеніе къ еврейской интеллигенціи найдетъ достаточный откликъ въ ихъ сердцахъ. Гиллелизмъ есть та же самая еврейская религія, которую далъ намъ Моисей и которую проповѣдывали пророки, но освобожденная отъ той посторонней примѣси, которая въ свое время была необходима, но теперь давно уже стала полнѣйшимъ анахронизмомъ.

Религія Гиллелитовъ не новая. По идеѣ своей она существуетъ съ незапамятныхъ временъ въ сердцахъ всѣхъ людей, а главный принципъ ея былъ формулированъ еще 2000 лѣтъ тому назадъ рабби Гиллелемъ, имя котораго наша религія и носить. Наша религія есть только практическое и конкретное осуществленіе той религіи, которая теоретически въ свое время была установлена великимъ Гиллелемъ.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ въ изложенію сущности Гиллелизма, мы должны обратить особенное вниманіе нашихъ слушателей на слѣдующее обстоятельство: Благодаря тому факту, что мы употребляемъ повсюду выраженіе „наша религія“, „Гиллелитская религія“ и т. п., наше обращеніе на многихъ читателей произведетъ вѣроятно такое впечатлѣніе, будто мы хотимъ выступить съ какою-то *новой вѣрою*!! Настоятельно просимъ читателей отбросить всякую подобную мысль, такъ какъ она была бы совершенно ложна. *Мы не имѣемъ ни малѣйшаго полномочія выступить съ какою-либо новою вѣрою.* Появленіе новой вѣры въ наше время вообще уже немыслимо; а еслибы таковая и могла когда-нибудь еще появиться, то во всякомъ случаѣ не мы дерзнули бы явиться основателемъ ея. Это могъ бы сдѣлать только человѣкъ съ великимъ божественнымъ вдохновеніемъ, съ необыкновенной силой духа, обладающій сверхъестественнымъ даромъ дѣйствовать на человѣческія сердца и умы.

увлекающій ихъ собственнымъ примѣромъ своего великаго и чистаго духа, не отступающаго передъ величайшими страданіями. Мы не чувствуемъ за собою и капли подобнаго божественнаго вдохновенія и не имѣемъ ни малѣйшаго желанія дерзновенно вторгнуться въ божественную область вѣры. Подъ словомъ „Гиллелитская религія“ мы подразумѣваемъ не какую-нибудь новую вѣру, а только новую *внѣшнюю социальную-религіозную организацію* на лонѣ давно уже существующей еврейской религіи. Просимъ нашихъ читателей помнить объ этомъ! Если мы въ данномъ случаѣ употребляемъ повсюду слово „религія“, то это только потому, что мы не имѣемъ подъ рукой другого, болѣе точнаго термина. *Божественной* стороны религіи мы, не будучи призваны къ этому, коснуться не дерзаемъ, предоставляя ее вполне личному убѣжденію cadaго челоѣка и вдохновеннымъ проповѣдямъ великихъ духовныхъ вождей челоѣчества; мы будемъ говорить только о чисто *челоѣческой* сторонѣ религіи, т. е. о той чисто конкретной, такъ сказать тѣлесной формѣ религіи, которая установлена обыкновенными смертными и можетъ быть также измѣняема обыкновенными смертными. Говорить о *духовной* сторонѣ религіи намъ впрочемъ даже нѣтъ никакой надобности; такъ какъ она съ еврейскимъ вопросомъ и съ еврейскимъ голусомъ ничего общаго не имѣетъ; во что мы вѣруемъ и во что не вѣруемъ, это не только не подлежитъ нашему произволу, но объ этомъ насъ никто и не спрашиваетъ, и извѣстно, что у очень многихъ евреевъ и не-евреевъ духовная сторона вѣры вполне идентична; насъ спрашиваютъ только, какъ мы въ социальномъ-религіозномъ отношеніи *устроили нашу жизнь*, наше воспитаніе и стремленія, и что написано на знамени той группы, къ которой мы себя причисляемъ. Вотъ этотъ-то ненормальный *социально-религіозный внѣшній строй* нашъ и является, какъ мы выше доказали, единственной причиной ненормальности всей нашей исторіи и нашего положенія, ненормальности, которая лежитъ тяжелымъ бременемъ на всѣхъ членахъ нашей группы, все равно каковы бы ни были внутреннія убѣжденія cadaго изъ насъ. Ибо каждый изъ насъ—каковы бы ни были его личныя воззрѣнія и хотя бы онъ даже никакой вѣры не имѣлъ и не признавалъ—связанъ на каждомъ шагу съ той социальномъ-религіозной группой, къ которой онъ причисляетъ себя, съ ея институціями, обычаями, воспитаніемъ, стремленіями, съ ея жизнью и судьбою. Помните поэтому, что

говоря о Гиллелитской религии, мы подразумеваемъ подъ этимъ не какую-либо новую вѣру, а только измѣненный *соціально-религіозный строй* еврейской общины.

Какъ старо-евреи, такъ и евреи-Гиллелиты исповѣдуютъ вѣру *Моисея*, духъ которой вполне ясно выраженъ въ Библии (преимущественно въ книгахъ пророковъ). Гиллелиты отличаются отъ старо-евреевъ только способомъ *толкованія* религіи, заповѣданной намъ Моисеемъ. Въ то время, какъ старо-евреи толкуютъ себѣ всѣ слова Моисея *буквально*, Гиллелиты толкуютъ ихъ по ихъ *духу*. А такъ какъ книги Моисея кромѣ его религіи содержатъ въ себѣ еще огромную массу постановленій государственныхъ, національныхъ, различныя преданія и аллегоріи, назначенныя исключительно для существовавшаго въ то время и находившагося въ извѣстныхъ политическихъ и духовныхъ условіяхъ *древне-израильскаго народа*, то отсюда вытекаетъ, что старо-евреи подъ формою религіи исповѣдуютъ собраніе различныхъ вещей, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей и сдѣлавшихся давно уже полнѣйшимъ анахронизмомъ. Гиллелиты же исповѣдуютъ только чистую *религію* Моисея, которая не зависитъ ни отъ какой національности, ни территоріи.

Изъ всего сказаннаго нами уже вполне ясно видно, что такое Гиллелизмъ. Это есть та же самая религія Моисея, что у талмудистовъ и караимовъ, но истолковываемая не по *буквѣ* Моисеевыхъ словъ, а по ихъ *духу*. Но такъ какъ духъ Моисеевой религіи есть нѣчто неуловимое, разсѣянное по всей Библии, и могъ бы дать поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ, то Гиллелитамъ приходится ясно формулировать этотъ духъ въ видѣ нѣсколькихъ вполне точныхъ принциповъ и формулъ, на которыхъ будетъ основываться вся Гиллелитская религія. Эти принципы, составляющіе собою всю сущность Гиллелизма, слѣдующіе:

1. Мы чувствуемъ и признаемъ существованіе высшей Силы, управляющей міромъ, и Силу эту мы называемъ Богомъ.
2. Законы свои Богъ вложилъ въ сердце cadaго челоуѣка подъ формою совѣсти; слушайся всегда поэтому голоса совѣсти своей, ибо это есть никогда не умолкающій голосъ Бога.
3. Сущность всѣхъ законовъ, данныхъ намъ Богомъ, выражается формулою: люби ближняго

и поступаай съ другими такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы другіе поступали съ тобою, и не дѣлай никогда ни явно, ни тайно такихъ поступковъ, о которыхъ твой внутренній голосъ говоритъ тебѣ, что они Богу не нравятся. Всякія же остальные ученія, которыя ты услышишь когда-либо отъ твоихъ учителей и руководителей и которыя не заключаются въ кардинальныхъ трехъ пунктахъ религіи, составляютъ только человѣческіе комментаріи, которые могутъ быть истинны, но могутъ быть и ошибочны.

Для того, чтобы быть Гиллелитомъ, достаточно исповѣдывать вышеупомянутые три пункта, обнимающіе собою всю Гиллелитскую вѣру. Но такъ какъ по слабости человѣческой природы абстрактное ученіе легко забывается, если оно не обставлено извѣстными внѣшними осязательными формами, то Гиллелиты сочли нужнымъ придать своей религіи также извѣстную *внѣшность*, которая связывала бы между собою Гиллелитовъ и постоянно напоминала бы имъ о сущности ихъ религіи. Но третій пунктъ религіи долженъ постоянно напоминать Гиллелитамъ, что эта внѣшняя сторона религіи представляетъ постановленія чисто *человѣческія*, исполненіе которыхъ обязательно только для тѣхъ, кто хочетъ принадлежать не только по духу, но и по внѣшности къ общинѣ Гиллелитовъ. Такъ какъ необходимымъ условіемъ для внѣшнихъ религіозныхъ формъ есть ихъ *одинаковость* для всѣхъ исповѣдующихъ данную религію, то церковь Гиллелитовъ устанавливаетъ общій *Синодъ*, который будетъ устанавливать и регулировать внѣшнія религіозныя формы, обязательныя для всѣхъ общинъ Гиллелитовъ. Такимъ образомъ для всѣхъ, желающихъ принадлежать къ Гиллелитской церкви, къ тремъ духовнымъ пунктамъ Гиллелитской *вѣры* присоединяется еще слѣдующій пунктъ Гиллелитской *церкви*:

4. Всякій, желающій принадлежать къ церкви Гиллелитовъ, долженъ исполнять религіозныя постановленія единого и общаго Гиллелитскаго Синода; но постановленія Синода обязательны только для *храмовъ и общинъ*, а для частныхъ лицъ только *въ ихъ сношеніяхъ съ церковью*;

всякія же постановленія Синода, касающіяся *частной жизни* Гиллелитовъ, предлагаются Гиллелитамъ только какъ *рекомендуемая*, но отнюдь не *обязательныя*. Синодъ долженъ всегда помнить, что онъ призванъ регулировать только религиозныя *обычаи* и *церемоніи*, но не *законы*.

Когда окажется, что идея Гиллелизма находитъ среди еврейства достаточное сочувствіе, тогда друзья этой идеи должны будутъ приступить къ учрежденію Подготовительнаго Комитета, который начнетъ хлопотать о полученіи для Гиллелизма Правительственной санкціи. Лишь только санкція эта будетъ получена, Подготовительный Комитетъ позаботится объ устройствѣ общаго конгресса первыхъ Гиллелитовъ, который займется учрежденіемъ перваго Синода, выработаетъ всю (по крайней мѣрѣ предварительную) внѣшнюю форму Гиллелитской религіи, установитъ недѣльные и годовые праздники, сущность и ритуаль богослуженій и различныхъ религиозныхъ торжествъ и обрядовъ, которые однако во всѣ времена должны имѣть характеръ не какихъ-либо религиозныхъ *законовъ*, а только религиозныхъ *обычаевъ*, имѣющихъ цѣлью духовно объединять Гиллелитовъ и давать имъ теплую поэтическую религиозную атмосферу, въ которой они могли бы отдыхать во всякое время отъ холодной прозы жизни и постоянно сообща разрабатывать и укрѣплять въ себѣ чувства истинной религіи, основанной на чистомъ идеализмѣ и нравственности.

Первый конгрессъ Гиллелитовъ будетъ имѣть право дать Гиллелизму ту внѣшнюю форму, которую онъ найдетъ нужной, и этой формы мы, слѣдовательно, предвидѣть съ полной точностью не можемъ. Но для того, чтобы читатели наши могли имѣть болѣе опредѣленное понятіе о *предполагаемой* внѣшней формѣ Гиллелизма, считаемъ не лишнимъ ввѣсти здѣсь тѣ соображенія, которыя мы съ своей стороны представимъ по этому дѣлу конгрессу: Такъ какъ по законамъ Гиллелизма установленіе недѣльныхъ и годовыхъ праздниковъ представляетъ только взаимное человѣческое соглашеніе относительно того, чтобы извѣстное число дней въ году посвятить отдыху, богослуженію и нравственному сосредоточиванію, и такъ какъ различныя религиозныя церемоніи тоже не предписаны Божествомъ, а представляютъ чисто человѣческіе произвольные символы, которыми люди условились выразить свое уваженіе къ Божеству, и такъ

какъ, слѣдовательно, для Гиллелизма рѣшительно все равно, *какіе* именно дни будутъ назначены праздниками и *какія* именно религіозныя церемоніи будутъ установлены, — то Конгрессу предлагается установить именно *такіе* праздники и церемоніи, которые не шли бы безъ надобности въ разрѣзъ съ установившимися уже привычками и вѣрованіями еврейскихъ массъ и не являлись бы лишнимъ препятствіемъ для перехода этихъ массъ къ Гиллелизму — все это конечно только на столько, на сколько эти праздники и церемоніи не противорѣчатъ законамъ и духу Гиллелизма. Традиціи и обычаи, по скольку они сами по себѣ не противорѣчатъ этикѣ, эстетикѣ и духу Гиллелизма, надо по мѣрѣ возможности не только сохранять, но даже усилить и обставить большею прелестью; ибо масса гораздо легче отказывается отъ законовъ, чѣмъ отъ обычаевъ; традиціи составляютъ основу всего „священнаго“, безъ традицій невозможна религія. Не входя здѣсь въ подробности, приведемъ только нѣсколько примѣровъ:

1. Библия считается у евреевъ священной книгою; такъ какъ это дѣйствительно книга великая, которая положила фундаментъ монотеизму, на которой нравственно воспитано все цивилизованное человѣчество, и на которой основанъ также весь Гиллелизмъ, то ничто не препятствуетъ и Гиллелизму относиться къ ней съ подобающимъ благоговѣніемъ и каждый разъ читать въ своихъ храмахъ отдѣлы изъ нея. Но относиться къ ней *дословно* было бы, разумѣется, явно противно законамъ Гиллелизма. Гиллелиты, слѣдовательно, будутъ читать ее въ своихъ храмахъ какъ фундаментальную книгу своей религіи, какъ великій церковный памятникъ и сокровищницу великихъ религіозныхъ идей, но согласно третьему пункту своей религіи будутъ считать ее книгой *человѣческой*, которая на ряду съ великими истинами заключаетъ и много посторонней примѣси и съ которою можно совѣтоваться въ религіозныхъ сомнѣніяхъ, но предписанія которой, равно какъ и вѣра въ ея легенды, ни для кого дословно и слѣпо не обязательны.

2. Евреи имѣютъ своимъ недѣльнымъ праздникомъ субботу. Религія нисколько не препятствуетъ и Гиллелизму оставить этотъ день и обставить его всевозможной торжественностью и уваженіемъ, какъ день, посвященный нами Богу. Не только высоко нравственные обычаи, какъ на примѣръ отдыхъ для нашихъ животныхъ, но и всѣ поэтическія мелочи, вполне гармонирующие съ духомъ Гиллелизма, какъ на примѣръ даже

зажиганіе свѣчей въ пятницу вечеромъ и т. п., могутъ быть смѣло сохранены, выражая [собою наше уваженіе къ дню, посвященному Богу; но, разумѣется, всѣ тѣ запреты и предписанія, которыя у евреевъ являются только дословнымъ и схоластическимъ толкованіемъ Библии какъ буквального предписанія Божества и въ Гиллелизмѣ не имѣли бы смысла и противорѣчили бы его духу, — будутъ выброшены. Правда, что при современныхъ условіяхъ празднованіе субботы сопряжено съ большими неудобствами, и явилось бы желаніе перенести этотъ праздникъ на воскресенье; мы считаемъ однако сохраненіе субботы необходимымъ, во первыхъ для того, чтобы не разрушить безъ важной побудительной причины тотъ мостъ, который соединяетъ насъ съ нашими темными братьями, считающими субботу краеугольнымъ камнемъ еврейства, — а во вторыхъ для того, чтобы міръ видѣлъ, что Гиллелизмъ основанъ не на мелкомъ личномъ комфортѣ и желаніи украшать себя чужими перьями и на подобострастномъ поддѣльваніи себя подъ тонъ господствующихъ элементовъ, а на чистомъ, глубокомъ убѣжденіи и великой духовной идеѣ.

3. Въ извѣстные дни года по специально-религіозному календарю евреи празднуютъ Новый Годъ и Судный День. Эти праздники, полные поэзіи и вполне гармонизирующіе съ духомъ осени, могутъ въ Гиллелизмѣ смѣло быть сохранены, по скольку они назначены для нравственнаго самоконтроля, для даванія себѣ отчета въ прошедшемъ и размышленія надъ будущимъ, для примиренія съ ближними и своею совѣстью; ничто не мѣшаетъ Гиллелизму оставить даже постъ и цѣлодневное пребываніе въ храмѣ, какъ символъ нашего уваженія и покорности и готовности обуздывать свои желанія; можно къ этому присоединить даже необязательную исповѣдь и покаяніе для тѣхъ, у кого сердце и совѣсть чѣмъ-нибудь сильно обременены и нуждаются въ облегченіи; при чемъ все это по законамъ Гиллелизма должно разсматриваться, разумѣется, не какъ приказаніе Божіе, а какъ взаимное соглашеніе чисто человѣческое въ знакъ уваженія къ Богу и какъ средство для облегченія своего сердца. Но всякія молитвы о постановленіяхъ Бога объ этихъ дняхъ, о записываніи и печатаніи на небѣ и т. д., какъ противорѣчащія законамъ Гиллелизма, должны быть, разумѣется, устранены.

4. Точно также ничто не мѣшаетъ Гиллелизму сохранить

и большинство остальныхъ еврейскихъ праздниковъ, но всё они будутъ, разумѣется, приноровлены къ законамъ и духу Гиллелизма и будутъ носить характеръ *церковный*, отчасти церковно-историческій въ память различныхъ фазъ идеи монотеизма, отчасти природно-жизненный для празднованія весны лѣта, осени и зимы (Пасха, Пятидесятница, Кущи и Ханука); но по духу Гиллелизма они могутъ изображать собою исторію *приверженцевъ еврейской религіи*, но отнюдь не должны носить ни малѣйшаго характера *національнаго*.

5. Содержаніе и форма всѣхъ молитвъ, какъ совершенно идущихъ въ разрѣзъ съ духомъ Гиллелизма, должны быть, разумѣется, радикально измѣнены отъ начала до конца.

6. Древне-еврейскій языкъ, какъ придающій церкви характеръ узко національный и къ тому же какъ совершенно немыслимый въ настоящее время для свободнаго, сознательнаго и искренняго выраженія своихъ мыслей и молитвъ, долженъ быть, разумѣется, устраненъ. (О языкѣ мы скажемъ ниже).

Вы видите такимъ образомъ, любезные читатели, что въ полной конкретной формѣ своей Гиллелизмъ будетъ представлять ту чистую общечеловѣческую религію, о которой мы говорили выше, но одѣтую во внѣшнее платье теперешняго еврейства; но платье это будетъ цѣльное, опредѣленное и чистое, а не полное дыръ и заплатъ, какъ у теперешней еврейской интеллигенціи, которая то хватается безсистемно за какое-нибудь свое лохмотье, то сбрасываетъ съ себя послѣдніе остатки его и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ всю ненормальность и несчастіе своей наготы. Это еврейское платье необходимо, ибо иначе наши темные братья видѣли бы въ насъ ренегатовъ, которые изъ-за личныхъ удобствъ, на примѣръ изъ-за ложнаго стыда быть евреями, изъ-за надежды получить права и т. п., отпали совершенно отъ своихъ братьевъ и оставили ихъ на произволь судьбы; мы оказались бы, слѣдовательно, не пионерами, борющимися за великую идею и увлекающими за собою массы, а просто отщепенцами, уничтожившими всякіе мосты между собою и массою. Правда, что и такъ темная масса наша въ началѣ отнесется къ намъ очень недовѣрчиво и враждебно, какъ относится ребенокъ къ врачу, подносящему ему лѣкарство; но когда эта масса, не способная углубляться въ идею, а судящая только по внѣшности, увидитъ, что мы не удаляемся отъ нея, а напротивъ, приближаемся, что мы не ищемъ

для себя личныхъ выгодъ и привиллегій, что мы не только не отрекаемся отъ всѣхъ тѣхъ внѣшностей, которыя по понятіямъ массы составляютъ квинтэссенцію еврейской религіи, а напротивъ, съ совершенно уже нежданной ими силой открыто и съ гордостью убѣжденныхъ людей манифестируемъ нашу принадлежность къ этой религіи; когда она увидитъ, что, выбросивъ элементъ національный, который массѣ все равно совершенно непонятенъ и чуждъ, мы укрѣпили элементъ религіозный, который для массы важнѣе всего; когда они увидятъ, что мы, правда, передѣлали текстъ молитвъ и молимся не на древне-еврейскомъ языкѣ, но все таки дѣйствительно *молимся* (по крайней мѣрѣ посѣщаемъ богослуженіе), между тѣмъ какъ мы прежде *совершенно* не молились, и что мы молимся именно единому, слѣдовательно по ихъ понятіямъ „еврейскому“ Богу; когда они увидятъ, что люди, которые до сихъ поръ ничего общаго съ религіей не имѣли, теперь съ полною теплотою празднуютъ тѣ же праздники, что и они:—когда они все это увидятъ, тогда они поймутъ, что мы ихъ братья, искренніе и преданные имъ братья; тогда голосъ нашъ будетъ имѣть къ нимъ доступъ, и постепенный, можетъ быть медленный, но зато вѣрный переходъ еврейскихъ массъ съ губительной ложно-національной почвы талмудизма на спасительную нейтрально-человѣческую почву Гиллелизма будетъ вполне обезпеченъ.

Изъ изложенныхъ нами выше принциповъ Гиллелизма вы видите, что Гиллелизмъ въ сущности не есть какая-то секта, а представляетъ собою чистую теософическую религію, которая давно уже исповѣдуется въ душѣ всѣми интеллигентными евреями и которой Гиллелизмъ даетъ только теплую конкретную форму, для того чтобы религія эта могла быть жизнеспособной и постоянно напоминающей о себѣ. Къ религіи этой можетъ со спокойной совѣстью присоединиться всякій нравственный человѣкъ, какихъ бы религіозныхъ убѣжденій онъ до сихъ поръ ни держался. Къ религіи этой можетъ смѣло присоединиться и тотъ, который принципиально отвергаетъ *всякую* религію; ибо не только противъ второго и третьяго пункта Гиллелизма ни одинъ нравственный человѣкъ ничего не можетъ возразить, но даже *первый* пунктъ не задѣваетъ убѣжденій даже самаго упорнаго атеиста, такъ какъ существованія нашему уму непонятной общемировой Силы не отвергаетъ вѣдь и атеистъ, съ тою только разницей, что то, что

онъ называетъ природой, мы называемъ именемъ Богъ, нисколько не позволяя себѣ приписывать этой Силѣ какіе-либо выдуманные человѣкомъ атрибуты и предоставляя разуму и сердцу каждаго человѣка толковать себѣ сущность этой Силы какъ ему угодно. Гиллелить атеистъ можетъ подъ словомъ Богъ подразумѣвать силы природы и міровую нравственность; Гиллелить суевѣрный можетъ рисовать себѣ Бога сидящимъ въ опредѣленномъ мѣстѣ неба и владѣющимъ адомъ и раемъ; и оба они все таки будутъ хорошими Гиллелитами и ни одинъ изъ нихъ не съумѣетъ укорять другого въ безбожности, ибо, если они только исполняютъ религіозные законы, ни одинъ изъ нихъ не окажется грѣшащимъ противъ Гиллелитской религіи. Гиллелить ребенокъ можетъ вѣрить всевозможнымъ религіознымъ сказкамъ няни; по мѣрѣ подростанія и образованія онъ будетъ отъ этихъ сказокъ постепенно отказываться, а все таки религія его ничуть не будетъ никогда колебаться; онъ никогда не долженъ будетъ сказать себѣ „моя религія была ложная“, а на всякой новой ступени развитія онъ будетъ только говорить себѣ: „я мою религію прежде плохо толковалъ себѣ“. Благодаря отсутствію апріористическихъ догматовъ, Гиллелитская религія никогда не будетъ въ разладѣ съ наукой и со свободнымъ человѣческимъ мышленіемъ. Храмъ Гиллелитовъ будетъ всегда храмомъ чистой философіи; въ немъ безъ всякаго запрета со стороны религіи, а напротивъ, даже отъ ея имени, будутъ свободно разбираться и изучаться вопросы о сущности Бога, о нравственности, о сущности жизни и смерти, о тѣлѣ и духѣ человѣческомъ, объ отношеніи человѣческаго и вообще животнаго „я“ ко всей природѣ и о различныхъ предположеніяхъ относительно судьбы этого „я“ послѣ прекращенія видимой жизни индивидуума; о жизни естественной и поступкахъ противоестественныхъ, о которыхъ третій пунктъ нашей религіи выражается, что они „не нравятся Богу“, и т. п. Только въ храмѣ этомъ, пропитанномъ духомъ взаимной любви и постоянно напоминающемъ намъ о нашемъ ничтожествѣ передъ окружающею насъ великой всемірной Божественной Силою, все будетъ произноситься не отталкивающими, заносчивыми и холодящими устами патентованной науки, а теплыми устами сердца, устами чующаго правду внутренняго голоса, устами истинной мудрости, доступной одинаково самому образованному ученому и самому необразованному мужику, той

истинной мудрости, которую мы находимъ у великихъ философовъ всѣхъ временъ и всѣхъ степеней образованія и которая сѣетъ вокругъ себя не отчаяніе и страданія, а душевное спокойствіе и счастье. Богослуженіе и обряды въ этомъ храмѣ будутъ только объединяющимъ, согревающимъ и настраивающимъ фономъ; сущностью же будутъ проповѣди, рѣчи и чтенія, обнимающія собою всѣ стороны духовнаго міра человѣческаго.

Гиллелизмъ имѣетъ несомнѣнно огромную будущность передъ собою. Основанный не на временномъ уровнѣ интеллигенціи своихъ адептовъ, не на какихъ-либо временно господствующихъ доктринахъ или настроеніяхъ толпы, не на темнотѣ человѣческой, а единственно на сердцѣ и разумѣ человѣческомъ, подлежащихъ повсюду и всегда однимъ и тѣмъ же законамъ, Гиллелизмъ, разъ пустивши корни, никогда уже не ослабнетъ, никогда не поколеблется, никогда не будетъ бояться свѣта и бороться съ наукой, никогда не будетъ подвергать людей тѣмъ страданіямъ отъ внутренней борьбы, которымъ, по мѣрѣ прогресса цивилизаціи, подвергала людей талмудическая еврейская религія. Гиллелизмъ будетъ жить такъ долго, пока будетъ жить человѣчество, и будетъ для всѣхъ грядущихъ еврейскихъ поколѣній вѣчнымъ, не изсякающимъ источникомъ нравственной теплоты и свѣта. Религія эта одинаково подходитъ для самаго дикаго африканца и для самаго образованнаго европейца, для самаго темнаго представителя временъ доисторическихъ и для самаго свѣтлаго представителя самыхъ отдаленныхъ временъ будущаго. Ибо она не зависитъ ни отъ какихъ національныхъ особенностей, ни отъ мѣста, ни отъ времени, ни отъ степени развитія, и, не скованная никакими апріористическими узами, а основанная исключительно на сердцѣ и разумѣ человѣческомъ, будетъ всегда приноравливаться къ совершенствующимся требованіямъ сердца и разума

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ анализу значенія Гиллелизма для еврейскаго вопроса, мы должны разсмотрѣть вопросъ о *національности* Гиллелитовъ. Такъ какъ мы доказали, что теперешнее еврейство называетъ себя народомъ безъ всякаго основанія, исключительно только вслѣдствіе ненормальнаго соціально-религіознаго строя своего, а Гиллелизмъ эту ненормальность устраняетъ, то у Гиллелитовъ вполне естественно явилось бы желаніе называть себя отнынѣ „русскими“, „нѣмцами“ и т. п. Это однако былъ бы огромный промахъ. Подъ вліяніемъ ненормальнаго религіознаго строя въ теченіе двадцати вѣковъ понятіе о томъ, что мы составляемъ особую чело-вѣческую группу, не имѣющую ничего общаго съ существующими національностями, такъ вошло въ плоть и кровь какъ у насъ, такъ и у нашихъ окружающихъ, что всякое внезапное выступленіе противъ этого понятія было бы донкихотствомъ, которое дало бы слѣдующія послѣдствія: 1) евреи смотрѣли бы на насъ какъ на „отпавшихъ“, которые стыдятся своихъ братьевъ, не хотятъ съ ними дѣлить ихъ страданія и перешли изъ лагеря битыхъ въ лагерь бьющихъ; 2) не-евреи смотрѣли бы на насъ, какъ на подозрительныхъ лицемѣровъ, которые, оставаясь въ сущности евреями, надѣли на себя маску и непрошеннымъ образомъ насильно суются въ чужую семью. Насъ презирали бы и евреи, и не-евреи. Наше нравственное положеніе было бы самое плачевное. и черезъ нѣсколько лѣтъ Гиллелиты не выдержали бы и совершенно отпали бы отъ еврейства. Остерегайтесь подобнаго промаха! Въ теченіе двадцати вѣковъ мы составляли особую группу людей,—такую же особую группу мы должны составлять собою и теперь. Пуще огня мы должны опасаться всего того, что похоже было бы на эгоистическое отпаденіе, лицемѣріе, заискиваніе.

Заколдованные ненормальнымъ строемъ нашей религіи, мы спали крѣпкимъ сномъ въ теченіе двадцати вѣковъ, и во

снѣ этомъ мы все бредили о національности нашихъ предковъ, о языкѣ нашихъ предковъ, и совершенно не замѣчали, что всякая національная почва совершенно ушла изъ-подъ нашихъ ногъ; а пока мы спали этимъ крѣпкимъ сномъ и держали свою религію въ каменной скорлупѣ, чтобы она нигдѣ не могла привиться, народы кругомъ насъ формировались и окрѣпли, каждый изъ нихъ соединилъ себя съ какою-нибудь опредѣленною религіею, и теперь, куда бы мы ни постучались, ворота повсюду для насъ закрыты. Не рвитесь насильно въ эти ворота, потому что это ворота *семейныя*! Въ то время какъ вторженіе въ чужія *территоріи*, практикуемое въ исторіи сплошь да рядомъ, оправдывается необходимостью гдѣ-нибудь существовать и невозможностью висѣть вѣвъ земного шара,—насильственное навязываніе себя какой-нибудь *семьѣ* всегда остается позорнымъ. Для того чтобы охранить себя отъ всякаго искушенія навязывать себя тѣмъ народамъ, которые считать насъ своими братьями не хотятъ, мы должны попрежнему называть себя *особымъ народомъ, народомъ еврейскимъ*, но только измѣнить характеръ этого народа такъ, чтобы онъ не имѣлъ въ себѣ ничего нездороваго, ничего шаткаго, ничего фальшиваго, чтобы онъ могъ жить и развиваться нормально, подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ группамъ.

Но, какъ мы уже говорили, измѣнить групповой характеръ всего теперешняго еврейства мы не имѣемъ никакой возможности, такъ какъ нѣтъ такого учрежденія, которое могло бы всему еврейству предписывать законы. Мы можемъ, слѣдовательно, только сдѣлать слѣдующее: на лонѣ самого такъ называемаго еврейскаго народа (но отнюдь не выпадая изъ него!) создать общину нормальную, освобожденную отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которые составляютъ всю причину и вущность еврейскаго голуса, и предоставить этой общинѣ постепенно всасывать въ себя и оздоравливать въ своей атмосферѣ все большія и большія массы еврейства, до тѣхъ поръ, пока наконецъ все еврейство не превратится въ группу вполне нормальную, здоровую и всѣми уважаемую.

Слѣдовательно, если Гиллелита спросятъ, къ какой національности онъ принадлежитъ, онъ не долженъ сказать „я русскій, нѣмецъ“ и т. п., ибо это было бы фальшь, это было бы позорное навязываніе себя чужой семьѣ, которая его считать своимъ не хочетъ; онъ не долженъ сказать „я Гиллелитъ“,

ибо это приучало бы его смотрѣть на себя какъ на нѣчто особое, стоящее *внѣ* еврейства, и раньше или позже склонило бы его совершенно отдѣлать себя отъ той массы темныхъ братьевъ, которые не безъ основанія предполагаютъ за собою общее съ нимъ происхожденіе, которые вмѣстѣ съ нимъ страдали въ теченіе тысячелѣтій и должны всегда имѣть въ немъ своего натурального опекуна; онъ долженъ сказать „я еврей“. И только тогда, когда его спросятъ, къ какой *partii* еврейской онъ принадлежитъ, онъ скажетъ: „я Гиллелитъ“.

Итакъ, что такое Гиллелизмъ и какова цѣль его? На лонѣ той національно-безпочвенной, расшатанной и во всѣхъ отношеніяхъ ненормальной, а потому и вѣчно страдающей человѣческой группы, которая называется еврействомъ, Гиллелиты творятъ собою нормальную общину, которая, будучи лишена тѣхъ элементовъ, которые составляютъ причину и сущность еврейскаго голуса, будетъ представлять собою духовный пріютъ, здоровую духовную семью для всякаго, кто гдѣ-либо на земномъ шарѣ страдаетъ за свою еврейскую религію или еврейское происхожденіе. Подчеркиваемъ слово „*духовный пріютъ*“, ибо *это* именно и есть то, въ чемъ евреи нуждаются больше всего; *материальный* же пріютъ хотя и желателенъ, но не играетъ для насъ такой огромной роли, такъ какъ, въ крайнемъ случаѣ, давно уже имѣются вполне готовыя и могущественныя страны (напримѣръ Американскіе Штаты), гдѣ евреи не только пользуются безусловно всѣми правами, но гдѣ они имѣютъ полное право считать себя такими же коренными и родными сынами земли, какъ и всѣ остальные жители. Очень много было и есть человѣческихъ группъ, которымъ приходилось переносить всевозможныя страданія; но всѣ онѣ легко освобождались отъ своихъ страданій, потому что причина ихъ страданій находилась *внѣ* ихъ и онѣ могли отъ нея уйти; мы же никогда и нигдѣ устроиться не можемъ, ибо причина нашихъ страданій находится *внутри* насъ и мы повсюду носимъ ее съ собою.

Гиллелизмъ имѣетъ цѣлью создать среди еврейства „нормальный еврейскій народъ“ и, постепенно ассимилируя съ собою своихъ братьевъ, превратить мало по малу все еврейство въ нормальную человѣческую группу, которая смотритъ людямъ прямо въ глаза, открыто и гордо выставляетъ передъ всѣми свое ясное, опредѣленное и чистое „я“ и свободно раз-

вивается и крѣпнетъ по тѣмъ же естественнымъ законамъ, которымъ подчиняется все остальное человѣчество. Для этого Гиллелиты должны устранить изъ своего группового строя тѣ элементы, которые, не имѣя въ себѣ абсолютно ничего возвышеннаго и достойнаго сохраненія, составляютъ только причину и сущность еврейскаго голуса. Подробному разбору этихъ элементовъ мы посвятили всю первую половину нашей статьи, поэтому здѣсь мы припомнимъ ихъ только въ краткихъ словахъ. Элементы эти слѣдующіе:

1. Спаянность нашей религіи съ національностью и территоріей ея основателей и вытекающая изъ этого окаменѣлость ея и вѣчная прикованность наша къ труну давно исчезнувшаго государства и народа. — Это есть основная и единственная причина вѣчнаго голуса; для еврейства какъ *цѣлости* вполне достаточно устраненія этого *одного* элемента, и будущіе евреи будутъ уже людьми вполне нормальными и здоровыми, подобно христіанамъ, магометанамъ и всѣмъ другимъ вѣроисповѣднымъ группамъ; но для насъ, *теперешнихъ* евреевъ, устраненія одной только *причины* голуса уже не достаточно, мы должны излѣчить себя отъ того тяжелаго *послѣдствія*, которое голусъ оставилъ на насъ, а это послѣдствіе есть:

2. Полнѣйшая потеря всякой національности и висѣніе въ національномъ отношеніи между небомъ и землею, т. е. неимѣніе своей собственной національности и невозможность влиться въ національности существующія.

Слѣдовательно, Гиллелитская община, желающая положить собою начало будущему нормальному и здоровому еврейскому народу, должна носить слѣдующій характеръ:

1. Религія ея, стараясь по мѣрѣ возможности не сходить съ почвы унаслѣдованныхъ традицій, обычаевъ и привычекъ, не должна заключать въ своей сущности ничего генеалогически-національнаго или территоріальнаго, такъ чтобы она съ одной стороны могла свободно развиваться и распространяться, а съ другой стороны перестала бы служить во всемъ вѣчную помѣхою своимъ адептамъ.

2. Национальность ея, находясь въ полнѣйшей независимости отъ религіи, должна быть ясно и опредѣленно выражена дѣйствительными, національными признаками, а не фиктивными, религіозными, для того чтобы евреямъ не нужно было уже упорно держаться анахроническихъ и всякій смыслъ потеряв-

шихъ формъ своей религіи, какъ единственной взаимной связи, и для того чтобы они перестали висѣть между небомъ (и землею и быть постоянно безпаспортными бродягами, стоящими внѣ всякихъ народныхъ группъ, постоянно навязывающими себя то одной, то другой группѣ и отталкиваемыми каждой изъ этихъ группъ.

О первомъ пунктѣ мы говорили подробно въ главѣ о религіи Гиллелитовъ. Намъ остается поговорить только о второмъ пунктѣ.

Будущіе Гиллелиты будутъ имѣть возможность причислять себя (если они захотятъ) къ *различнымъ* народамъ, такъ какъ они будутъ рекрутироваться (въ тѣхъ странахъ, гдѣ это закономъ дозволено) изъ *различныхъ* народовъ, а безнаціональный Гиллелизмъ не заставитъ никого изъ нихъ отречься отъ своей народности. *Теперешніе* же Гиллелиты, оставшіеся въ силу историческихъ обстоятельствъ безъ всякой національной почвы, не имѣющіе своего собственнаго народа и не имѣющіе никакой возможности влиться въ другіе народы, должны создать изъ себя особый народъ. Большинство евреевъ традиціоннымъ образомъ держится, правда, еще того мнѣнія, что евреи и теперь составляютъ народъ; но это, какъ мы въ своемъ мѣстѣ показали, мнѣніе вполне ошибочное. Люди разбросанные по всему міру, не понимающіе другъ друга, связанные между собою единственно только общностью религіи и предполагающіе у себя — опять таки только на основаніи религіи — общность происхожденія, называютъ себя еврейскимъ народомъ; но *называть* себя народомъ не есть еще *быть* народомъ. Самый основной и элементарный признакъ, объединяющій людей въ народъ, есть *языкъ*. Можно быть народомъ безъ политической самостоятельности, безъ земли, безъ всего что угодно, но нельзя быть народомъ безъ *языка*, ибо это было бы прямое логическое противорѣчіе. Группа людей, желающая считать себя народомъ, должна прежде всего имѣть свой *языкъ*, иначе она будетъ только *тѣнью* народа, она будетъ народомъ только въ смыслѣ *отрицательномъ*, т. е. всѣ существующіе народы будутъ отречься отъ нея, какъ отъ чего-то чужого, своего же собственнаго „я“ она имѣть не будетъ; всякіе удары, которые достаются народамъ, она будетъ воспринимать въ самой полной мѣрѣ, всякаго же добра, имѣющагося у народовъ, она будетъ совершенно лишена.

Эта безъязычность и вытекающая изъ нея національная

безпочвенность есть самое тяжелое несчастіе еврейства. Повторяемъ: „безъязычность“, — ибо тотъ языкъ, который многіе называютъ языкомъ евреевъ (древне-еврейскій), какъ извѣстно, совершенно не есть языкомъ евреевъ и евреи на немъ говорить совершенно не умѣютъ, а тѣ жаргоны, которыми говорятъ тѣ или другіе евреи, представляютъ собою только никѣмъ не признаваемые нарѣчія отдѣльныхъ еврейскихъ группъ, но не еврейства. Эта безъязычность и вытекающая изъ нея національная безличность дѣлаетъ еврейство несчастнымъ рабомъ, созданнымъ только для ударовъ и униженій, но не имѣющимъ права ни на какія радости или уваженіе. Всякіе удары рабъ долженъ принимать на свою спину, всякіе же заработки онъ долженъ отдавать своему господину. Такъ и съ еврействомъ. Сколько бы „ассимиляторы“ ни твердили, что мы русскіе, нѣмцы и т. п., — насъ всегда будутъ считать таковыми только тогда, когда дѣло касается чего-нибудь хорошаго; когда же дѣло касается чего-нибудь дурного, — мы всегда останемся евреями. Если еврей дѣлаетъ что-нибудь дурное, онъ никогда не позоритъ этимъ другого народа, ибо объ немъ въ такомъ случаѣ никто никогда не вздумаетъ сказать „это русскій, это нѣмецъ“ — а всегда скажутъ „это еврей“; для *такихъ* случаевъ еврейскій народъ *существуетъ*; если же еврей отличается какъ писатель, ученый, философъ и т. п., онъ всегда обогащаетъ собою духовную сокровищницу и возвеличиваетъ національное имя *другихъ* народовъ, ибо для *такихъ* случаевъ еврейскаго народа *нѣтъ*; и это даже вполне естественно, и никакіе протесты еврейскихъ націоналистовъ не имѣли бы основанія, такъ какъ вслѣдствіе отсутствія собственнаго языка такіе евреи работаютъ всегда на языкахъ *другихъ* народовъ, слѣдовательно работы и таланты ихъ вполне естественно могутъ служить только къ возвышенію *тѣхъ* народовъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ имя каждаго другого народа все больше и больше возвеличивается, евреи, благодаря отсутствію своего языка, остаются въ глазахъ міра всегда только народомъ состоящимъ изъ одной только черни и не имѣющимъ ни малѣйшихъ заслугъ. Когда мы говоримъ о какомъ-нибудь народѣ (не о *государствѣ*, которое изображаетъ собою только политическій контрактъ, а о *народѣ!*), мы прежде всего думаемъ о его *языкѣ и литературѣ*, ибо это то и есть народъ; каждый народъ мы оцѣниваемъ не по числу его головъ и не по силѣ его кулака, а только по тѣмъ духовнымъ

богатствамъ, которыя онъ внесъ и вноситъ въ обще-человѣческую сокровищницу, а это послѣднее совершенно не возможно для народа *фиктивного*, не имѣющаго собственнаго языка, а слѣдовательно и собственнаго „я“, и вынужденнаго вносить всякій вкладъ подъ чужою фирмою. Впрочемъ даже и на *чужой* нивѣ работать становится для насъ все труднѣе; лишь только о работникѣ узнаютъ, что онъ еврей, его встрѣчаютъ съ презрѣніемъ и враждою: „лиши себѣ на своемъ жидовскомъ языкѣ, для своихъ жидовъ, но не лѣзь въ *нашу* литературу, не коверкай *нашего* языка!“ Известно вѣдь, какъ оттряхиваются теперь нѣмцы даже отъ одного изъ величайшихъ своихъ поэтовъ за то, что онъ былъ евреемъ! Разные бездарные писаки изъ „своихъ“ нападаютъ на титана нѣмецкой литературы, что онъ „ожидовлялъ“ нѣмецкій языкъ! Литературы *своего* народа Гейне не обогатилъ, потому что этотъ народъ не имѣетъ языка, а *чужая* литература говоритъ ему: „ты мнѣ не нуженъ!“

Чѣмъ выше стоитъ языкъ и литература какого-нибудь народа, тѣмъ выше стоитъ и тѣмъ бѣльшимъ уваженіемъ пользуется и самъ народъ; мы же, евреи, *совершенно* не имѣющіе своего языка и литературы, находимся вполнѣ естественно въ полномъ презрѣніи у всѣхъ народовъ.

Безъязычность не только не даетъ евреямъ никакой возможности пріобрѣсть себѣ *уваженіе* народовъ, но она на каждомъ шагу выставляетъ ихъ на *позоръ и посмѣяніе*. На каждомъ шагу народы злобно издѣваются надъ нами и кричатъ намъ: зачѣмъ ты коверкаешь *мой* языкъ? гдѣ *твой* языкъ? говори на *своемъ* языкѣ и не подшивайся подъ нашу шкуру!“ Ибо употребленіе нами *ихъ* языковъ народы объясняютъ себѣ тѣмъ, что мы хотимъ притворяться русскими, французами и т. п., потому что быть евреемъ будто-бы есть что-то очень и очень позорное. Особенно рѣзко выступаетъ несчастіе нашей безъязычности въ мѣстахъ со *смѣшаннымъ* населеніемъ: тамъ, гдѣ элементы между собою борются и каждый изъ нихъ открыто и гордо стоитъ подъ своимъ знаменемъ, мы являемся просто уже какими-то духовными паразитами безъ всякой чести, подлизывающимися то къ одной, то къ другой изъ чужихъ намъ группъ, и какимъ бы языкомъ мы ни говорили, окружающіе не прощаютъ намъ этого, утверждая, что мы не имѣемъ права на этотъ языкъ. Когда мы говоримъ по русски, насъ презираютъ поляки; когда мы говоримъ по польски, на насъ напада-

ютъ русскіе; когда мы говоримъ по нѣмецки, насъ бьютъ чехи; когда мы говоримъ по чешски, насъ топчутъ въ грязь нѣмцы; и всякій кричитъ намъ: „чего ты лѣзешь съ чужимъ языкомъ?“ и насъ презираютъ даже тѣ самыя группы, языкомъ которыхъ мы говоримъ, подобно тому, какъ перебѣжчика презираетъ и тотъ лагерь, къ которому онъ перебѣжалъ. На каждомъ шагу встрѣчаются дикія и трагикомическія сцены, которыя страшно унижаютъ достоинство еврейства передъ лицомъ всего міра. Напримѣръ: одинъ сынъ, родившійся въ одномъ городѣ, умѣетъ или хочетъ говорить только по русски, другой, родившійся въ другомъ городѣ—только по польски, а мать и отецъ не владѣютъ хорошо ни однимъ, ни другимъ языкомъ и не могутъ какъ слѣдуетъ изъясняться со своими собственными дѣтьми, а на улицѣ послѣдніе прямо стыдятся говорить со своими родителями или: и отецъ, и сынъ всегда говорили между собою только по русски, но переселившись (можетъ быть только на время) въ польскій городъ, они поневолѣ должны превратиться въ лицемѣровъ и начать говорить между собою ломаннымъ польскимъ языкомъ; ибо въ то время какъ отъ православныхъ никто не вздумаетъ требовать, чтобы они съ перемѣною города перемѣнили свой языкъ, отъ еврея это настойчиво *требуется*, и сохраненіе имъ своего родного языка вмѣняется ему въ *преступленіе*, разсматривается какъ рабское прилизываніе къ той власти имущей партіи, которая его же выгнала отъ себя!

Да, безъязычность и необходимость пользоваться чужими языками въ то время, какъ міръ, не смотря на всѣ наши попытки ассимилироваться, всегда считалъ и будетъ считать насъ особымъ народомъ, это самое тяжелое несчастіе еврейства. Въ то время какъ національно-локальный характеръ нашей религіи есть единственная и основная *причина* нашего голуса, безъязычность есть самое тяжелое и позорное *послѣдствіе*, вызванное этой причиной. Поэтому вторымъ основнымъ пунктомъ для той общины, которая желаетъ положить собою начало нормальному еврейскому народу, должно быть: *имѣть свой собственный, ни у кого не заимствуемый и не испрашиваемый языкъ*. На этотъ языкъ всѣ Гиллелиты должны смотрѣть какъ на свой дѣйствительный родной языкъ, на немъ они должны воспитывать своихъ дѣтей съ самаго ихъ рожденія, на немъ совершать свои богослуженія, его они должны съ самою горячею любовью дѣлать, его литературу они должны обогащать,

о немъ они должны всегда помнить, что это единственный представитель ихъ національнаго „я“ и что чѣмъ выше будетъ стоять ихъ языкъ и литература, тѣмъ бѣльшимъ уваженіемъ и счастіемъ будетъ пользоваться ихъ народъ.

Теперь является вопросъ, *какой* именно языкъ долженъ сдѣлаться языкомъ Гиллелитовъ. Теоретически отвѣтъ можетъ быть тройкій: 1) или языкъ *древне-еврейскій*, 2) или одинъ изъ *жаргоновъ*, употребляемыхъ теперешними евреями (напримѣръ жаргонъ „литовскихъ“ евреевъ), 3) или специально созданный для этой цѣли языкъ *нейтральный, искусственный*. На *практикѣ* однако отвѣтъ можетъ быть только одинъ, а именно третій. Древне-еврейскій языкъ, какъ языкъ мертвый и при томъ же дошедшій до насъ не въ полной всесторонности своей, а только въ видѣ очень небольшой литературы повѣствовательнаго и поэтическаго характера, для роли живого народнаго языка абсолютно не годится; даже тѣмъ, которые изучили его вполнѣ основательно, онъ никогда не будетъ имѣть возможности служить живымъ роднымъ языкомъ; а вѣдь и для этого похрамывающаго употребленія основательное изученіе этого языка такъ необычайно трудно, что если бы Гиллелиты назначили его своимъ языкомъ, вступленіе въ общину Гиллелитовъ сдѣлалось бы возможнымъ только для очень маленькой горсти специальныхъ любителей, но никакъ не для обширныхъ массъ. Къ не-эстетическому же и совершенно не обработанному жаргону, какъ извѣстно, чувствуютъ сильное и непреодолимое нерасположеніе и предубѣжденіе даже тѣ, которые владѣютъ имъ, а тѣмъ болѣе не возможно будетъ склонить къ изученію его тѣхъ евреевъ, которые съ даннымъ жаргономъ не имѣютъ ничего общаго и для которыхъ онъ, будучи съ одной стороны труднымъ для изученія, съ другой стороны не представляетъ ничего привлекательнаго. Остается слѣдовательно только языкъ *искусственный*. Уже а priori можно было бы сказать, что языкъ искусственный, въ который мы имѣемъ неограниченное право внести все, что намъ угодно, будетъ самымъ лучшимъ образомъ удовлетворять всѣмъ условіямъ, которыя намъ нужны: мы можемъ его сдѣлать безконечно богатымъ, гибкимъ, полнымъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя придаютъ языку живость, звучнымъ и чрезвычайно легкимъ. И дѣйствительно, работы послѣднихъ десятилѣтій показали, что такой языкъ не только можетъ существовать и удовлетворять самымъ изысканнымъ требова-

ніямъ, но что онъ—самое главное—до того легко, что даже самый необразованный человѣкъ можетъ вполне хорошо овладѣть имъ въ теченіе какой-нибудь недѣли (дѣти же могутъ натуральнымъ путемъ перенять его съ самаго рожденія).

Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ *pro domo sua*. Обстоятельства заставляютъ насъ выпустить настоящую брошюру подъ *псевдонимомъ*. Но когда случайно тотъ или другой узнаетъ наше имя и узнаетъ при этомъ, что мы принадлежимъ уже давно къ преданнымъ друзьямъ идеи нейтральнаго языка, у него можетъ возникнуть подозрѣніе, что весь планъ Гиллелизма нами выдуманъ специально для того, чтобы содѣйствовать распространенію любимаго нами языка, и что подъ псевдонимомъ мы укрываемся только для того, чтобы читатели не знали, что они имѣютъ дѣло съ преданнымъ приверженцемъ нейтральнаго языка. На это могущее возникнуть подозрѣніе обратилъ наше вниманіе одинъ изъ друзей нашихъ, читавшій нашу брошюру въ рукописи. Опасеніе это основано на дѣйствительномъ знаніи человѣческой природы, съ которой мы должны считаться. Поэтому во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, будто мы, укрываясь подъ псевдонимомъ, хотимъ скрыть свои дѣйствительныя привязанности, мы здѣсь *сами* заявляемъ, что мы давно уже принадлежимъ къ самымъ горячимъ друзьямъ идеи нейтральнаго языка. Если это обстоятельство при оцѣнкѣ Гиллелизма можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, то пусть читатели имъ руководятся.

Да, мы лично очень давно уже принадлежимъ къ самымъ преданнымъ друзьямъ идеи нейтрально-человѣческаго языка. Наша преданность этой идеѣ возникла именно на почвѣ еврейскаго вопроса, ибо, какъ стоящій внѣ всякой націи еврей, мы больше всякаго другого ощущали все проклятіе человѣческаго многоязычія, и изъ всѣхъ еврейскихъ несчастій самымъ тяжелымъ являлась намъ всегда безъязычность евреевъ. Мы чувствовали всегда, что языкъ есть самое священное достояніе человѣка и что этого именно евреи лишены. Не завидно намъ было ни политическое могущество народовъ, ни ихъ богатство, — завидно намъ было ихъ здоровое духовное „я“, ихъ языкъ, ихъ литература. Намъ больно было видѣть, какъ евреямъ приходится коверкать всевозможные языки, ни однимъ изъ нихъ не владея какъ слѣдуетъ и ни къ одному изъ нихъ не имѣя возможности привязаться всей душою, такъ какъ каждый такой

языкъ является воплощеніемъ какой-нибудь индивидуально-народной и совершенно чуждой евреямъ жизни, духа, исторіи. Подъ вліяніемъ подобныхъ мыслей мы мечтали одно время объ оживленіи древне-еврейскаго языка, а затѣмъ работали усердно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ надъ жаргономъ; когда же мы убѣдились, что и одно, и другое лишены всякой будущности, мы отдали себя всей душою идеѣ искусственнаго нейтрально-человѣческаго языка и надъ этой идеей съ чикогда не охлаждающей любовью работаемъ уже больше двадцати лѣтъ.

Слѣдуетъ ли Гиллелитамъ принять *существующій* уже нейтральный языкъ или слѣдуетъ выбрать компетентную комиссію, которая займется созданиемъ *новаго* языка—это рѣшить можетъ, разумѣется, только *конгрессъ*. Но каковъ бы языкъ ни былъ, онъ долженъ быть приноровленъ *спеціально къ потребностямъ Гиллелитовъ*; ибо въ то время какъ для всѣхъ народовъ международный языкъ является *роскошью*, онъ для Гиллелитовъ будетъ *хлѣбомъ насущнымъ*. Всѣ народы нуждаются въ искусственномъ языкѣ только для сношеній *внѣшнихъ*, Гиллелиты же будутъ нуждаться въ немъ для сношеній *внутреннихъ*; поэтому въ то время какъ существующій теперь языкъ Эсперанто имѣетъ духъ строго *международный*, основанный на одной только чистой *логикѣ*, языкъ Гиллелитовъ долженъ будетъ быть приноровленъ *спеціально къ духу, жизни, образу мыслей и выраженій, особенностямъ и привычкамъ тѣхъ людей, которымъ суждено составить собою первый контингентъ Гиллелитовъ*; слѣдовательно, кромѣ необыкновенной легкости, гибкости, богатства и звучности, онъ долженъ имѣть въ себѣ и слогъ, и весь духъ такого рода, чтобы всякій самый необразованный русско-нѣмецкій еврей, изучивши въ теченіе получаса его грамматику, а въ теченіе нѣсколькихъ дней извѣстный запасъ словъ, могъ сейчасъ же пользоваться языкомъ *вполнѣ свободно и плавно*, какъ своею *родною рѣчью*; чтобы у него не отсутствовало на каждомъ шагу то или другое *спеціальное родное слово* или *родной оборотъ*, къ которымъ онъ привыкъ; чтобы онъ не долженъ былъ задумываться на каждомъ шагу надъ тѣмъ, какъ ему слѣдуетъ выразиться, и чтобы рѣчь у него лилась *вполнѣ плавно и естественно*.

Пунктъ о языкѣ многіе вообще сочтутъ утопией. „Искусственнаго языка до сихъ поръ не бывало, *слѣдовательно* онъ невозможенъ“. Мы много и серьезно занимались этимъ вопро-

сомъ и убѣдились не только теоретически, но и практически, что этотъ пунктъ не только возможенъ, но и чрезвычайно легко исполнимъ. Въ этомъ каждый можетъ легко убѣдиться хотя бы изъ упомянутаго нами языка Эсперанто. Кто ознакомился со строемъ этого языка и съ весьма богатою уже литературой его; кто видѣлъ, какъ легко и съ полною точностью на немъ выражаются всевозможные оттѣнки человѣческихъ мыслей и чувствъ; кто видѣлъ, какъ отлично и свободно множество людей всевозможныхъ странъ и народовъ на немъ бесѣдуютъ не только письменно, но и устно; кто видѣлъ, какъ даже самые необразованные люди вполне основательно овладѣваютъ этимъ языкомъ въ теченіе изумительно короткаго времени: тотъ ни на минуту не будетъ сомнѣваться въ легкой исполнимости нашего пункта о языкѣ, тѣмъ болѣе, что языкъ Гиллелитовъ будетъ еще спеціально приноровленъ къ образу мыслей и выраженій самой значительной группы теперешнихъ евреевъ. Кто же во всемъ этомъ лично убѣдиться не хочетъ, а предпочитаетъ голословно отрицать возможность вполне свободнаго и живого употребленія искусственнаго языка, тотъ пусть помнить, что, если бы это оказалось на практикѣ неудобноисполнимымъ, никто вѣдь не будетъ заставлятъ каждаго Гиллелита говорить непременно *только* на языкѣ Гиллелитовъ (какъ никто не запрещаетъ напримѣръ поляку говорить хотя бы всю жизнь по французски) и что въ крайнемъ случаѣ достаточно будетъ уже одного только сознанія, что у Гиллелитовъ *имѣется* свой ни у кого не заимствуемый языкъ, которымъ каждый Гиллелитъ владѣетъ, и что на этомъ языкѣ совершаются богослуженія у Гиллелитовъ.

„Ассимиляторы“ съ озлобленіемъ накинутся на насъ: „Послѣ того, какъ авторъ доказалъ, что все несчастіе евреевъ состоитъ въ томъ, что они не могутъ слиться съ окружающими элементами, и послѣ того какъ онъ устраняетъ изъ еврейской религіи все то, что мѣшаетъ этому слиянію, онъ вдругъ хочетъ обособить евреевъ еще больше, чѣмъ они были до сихъ поръ; даже самые ярые Сіонисты, эти націоналисты *par excellence*, до сихъ поръ слава Богу довольствовались той *фиктивной* національною связью, которая существуетъ между евреями, а авторъ Гиллелизма хочетъ превратить евреевъ въ *дѣйствительный* особый народъ съ особымъ языкомъ и литературою!“... Успокойтесь, господа! *Окончительнымъ* нашимъ

идеаломъ всегда останется дѣйствительное сліяніе евреевъ съ народами всего міра, такъ какъ мы убѣждены, что для равсѣяннаго по всему міру еврейства это есть единственный и самый лучший исходъ и что въ этомъ сліяніи, изъ котораго должно выйти нѣчто великое и спасительное для всего человѣчества, кроется вся миссія еврейскаго народа, который исторіей не даромъ и не безъ цѣли такъ тщательно разсѣянь по всѣмъ угламъ земного шара. Но такимъ путемъ, по которому *вы* идете, сліяніе никогда достигнуто не будетъ. Съ устраненіемъ ненормальнаго религіознаго строя Гиллелизмъ даетъ еврейству возможность взаимнаго всасыванія съ окружающими элементами; но *способъ* этого всасыванія не для всѣхъ народовъ. одинаковъ, какъ мы видѣли выше, разбирая тѣ историческіе законы, по которымъ происходило взаимное всасываніе народовъ. Иного рода было это всасываніе у потомковъ цивилизованныхъ Римлянъ, а иного рода у какого-нибудь ничтожнаго полудикаго народца; и еслибы первые старались всасываться такимъ способомъ, какимъ всасывались послѣдніе, это былъ бы абсурдъ. Мелкія, безродныя и безкультурныя человѣческія группы, могутъ просто *вливаться* въ окружающіе элементы; ихъ нѣкоторое время толкаютъ отъ себя, гонятъ, презираютъ, смѣются надъ ними, но они цѣлуютъ ручки, затираютъ свою фізіономію и мало по малу безслѣдно всасываются. Но такая древняя и высоко культурная человѣческая группа, какъ еврейство, группа, въ которой уже много вѣковъ всѣ члены, даже самые нисшіе, отличаются поголовною грамотностью и значительною степенью интеллигенціи, группа, которая въ теченіе тысячелѣтій геройски боролась за свои идеалы,—такая группа не можетъ слиться съ окружающими элементами путемъ простаго *вливанія* себя и самоотреченія. Унизительнымъ напрашиваніемъ себя въ чужую семью мы никогда ничего кромѣ презрѣнія не достигнемъ. Мы можемъ стремиться къ сліянію съ народами только путемъ *почетнымъ* и на почвѣ *нейтральной*. Такую нейтральную и почетную почву и дастъ именно тотъ повидимому шовинистически націонализированный, а въ дѣйствительности только *нейтрализованный* „нормальный еврейскій народъ“, которому мы желаемъ положить начало.

Всмотритесь дѣйствительно въ характеръ этого народа, и увидите слѣдующее: евреямъ онъ даетъ тотъ теплый духовный пріютъ, то духовное равновѣсіе, которое они лишены были

въ теченіе многихъ вѣковъ; всѣми отталкиваемыхъ національныхъ беспочвенниковъ онъ превращаетъ въ нормальный, почетный, никому не навязывающій себя народъ. Но что это будетъ за народъ? Посмотримъ. Это не будетъ уже больше тотъ окаменѣлый псевдо-народъ, который по самому строю своему не допускаетъ ни малѣйшей диффузіи съ окружающими элементами, который называлъ себя не иначе, какъ сынами Якова, который имѣлъ религію специально созданную только для сыновъ Якова. Правда, что изъ народа *фиктивного*, не дающаго своимъ членамъ никакой опоры, онъ превратится въ народъ *реальный*, въ дѣйствительную, связанную между собою реальными узами братскую семью; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъ народа *гегемонически-локальнаго* превратится въ народъ *идейный, нейтрально-человѣческій*. Этотъ народъ не будетъ имѣть въ себѣ ничего территориальнаго, такъ какъ разсѣянные по всему міру члены его будутъ имѣть каждый свою натуральную родину; религія этого народа не будетъ имѣть ничего общаго съ какою-нибудь территоріей, ни съ какимъ-либо родомъ или племенемъ, а будетъ носить характеръ нейтрально-человѣческій, и каждый желающій, какого бы происхожденія онъ ни былъ, будетъ имѣть возможность принадлежать къ ней; языкъ этого народа не будетъ ни для кого чужимъ, наслѣдіемъ чужихъ предковъ, онъ будетъ нейтрально-человѣческій. Исторія этого народа, отъ которой сыны его не будутъ отрекаться, а напротивъ, будутъ изучать ее съ любовью и гордостью, не будетъ уже какой-то исторіей замкнутаго рода, а исторіей нейтрально-человѣческой группы, которая началась въ формѣ локально-родовой (древній періодъ), затѣмъ приняла форму идейную, но все еще замкнутую остатками родословной рамки (средній періодъ) и наконецъ перешла въ форму чисто идейную, для всѣхъ доступную, нейтрально-человѣческую (новый періодъ). Всякія естественныя стѣны, замыкающія каждый народъ отъ всѣхъ другихъ народовъ и вызывающія взаимную вражду между народами, въ „нормальномъ еврейскомъ народѣ“ будутъ отсутствовать, и ту способность, которой еврейство до сихъ поръ было совершенно лишено, оно получитъ теперь въ самой высокой степени,—а именно: способность *всасывать*.

Гиллелизмъ, какъ вы видите, слѣдовательно, нисколько не отрываетъ евреевъ отъ ихъ натуральной родины, не отдѣляетъ ихъ китайской стѣной отъ окружающихъ элементовъ;

какъ нѣчто инородное, враждебное; онъ только избавляетъ евреевъ отъ унижительнаго навязыванія себя тѣмъ группамъ, которыя ихъ считать своими не хотятъ, и ставитъ евреевъ на почву нейтральную, на которой не должно быть ни вражды, ни шовинизма, на ту имѣющую передъ собою огромную будущность почву нейтрально-человѣческую, на которой раньше или позже сойдутся и сольются между собою всѣ народы, И между Гиллелитами вѣроятно найдется много шовинистовъ, но это будутъ уже не шовинисты *рода*, а шовинисты *группы*, шовинисты *идеи*. И на нейтрально-человѣческой почвѣ будущаго евреямъ суждено быть не ненавистными пришлецами, а первыми и самыми заслуженными пионерами. Въ этотъ народъ будущаго, въ этотъ языкъ будущаго, въ этотъ духовный пріютъ, которому суждено положить начало будущему объединенному человѣчеству, евреи поневолѣ вложатъ всѣ свои старанія, всѣ свои надежды, всю свою жизнь, и будущія поколѣнія будутъ имъ за это вѣчно благодарны и будутъ благословлять судьбу за то, что она разсѣяла работниковъ по всему міру и силою обстоятельствъ *заставила* ихъ построить, ради собственнаго спасенія, тотъ общечеловѣческій пріютъ, для *добровольной* постройки котораго у народовъ не хватило бы инициативы. Гиллелизмомъ закончится великая историческая миссія еврейскаго народа....

У.

Религія Гиллелитовъ устранить основную и вѣчно дѣйствующую *причину* еврейскаго глуса, а языкъ Гиллелитовъ устранить самое тяжелое *послѣдствіе* этого глуса. Пурификація и нейтрализація религіи и языка превратитъ евреевъ въ идейный нейтрально-человѣческой народъ, который не будетъ уже больше подобно Крыловскимъ гусямъ оглядываться постоянно на давно минувшее *прошлое*, а которому предстоитъ великое и славное *будущее*. Но для того, чтобы спасительное дѣйствіе Гиллелизма могло наступить какъ можно *раньше и полнее*, было бы очень полезно, чтобы Гиллелизмъ какъ можно раньше получилъ гдѣ-нибудь первую *точку опоры*, т. е. такую территорію, гдѣ не только Гиллелизмъ пользовался бы полнѣйшими гражданскими правами и полной свободой дѣйствій, но гдѣ еврей-Гиллелиты составляли бы огромное *большинство* населенія, какъ городского, такъ и сельскаго, т. е. такую территорію, гдѣ каждый исповѣдующій еврейскую религію могъ бы себя чувствовать вполне „у себя“; территорію, которая впредь до надлежащаго окрѣпленія Гиллелизма въ мірѣ, могла бы служить убѣжищемъ для всякаго, кто гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ въ томъ или другомъ отношеніи страдаетъ за свою еврейскую религію; новую родину для всѣхъ тѣхъ евреевъ, для которыхъ старая родина является мачихой, которые не имѣютъ терпѣнія или возможности ждать лучшаго времени на своей старой родинѣ, или которые хотѣли бы жить и умереть среди своихъ единовѣрцевъ, въ городахъ и селахъ, построенныхъ ихъ единовѣрцами, и ими же управляемыхъ. Для *теперешнихъ* евреевъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ доказали, подобное убѣжище невозможно, потому что они скованы цѣпями, которыя никогда ни на какомъ мѣстѣ земного шара не позволяютъ имъ укрѣпиться и повсюду и навѣки заставляютъ ихъ быть чужими, какою-то недоступною и ненавистною для всѣхъ окаменѣлостью; для Гиллелитовъ же, освобожденныхъ

отъ той скорлупы, которая составляетъ все несчастіе еврейства, пріобрѣтеніе первой точки опоры будетъ дѣломъ чрезвычайно легкимъ. Подобную точку опоры евреи давнымъ давно уже имѣли бы, еслибы имъ не мѣшалъ ненормальный строй ихъ религіи. Горсть финикіанъ, лишившись родины, основала могущественный Карфагенъ, горсть разгромленныхъ Троянцевъ основала великій Римъ, горсть изгнанныхъ голландцевъ основала южно-африканскія республики, горсть различныхъ преслѣдуемыхъ протестантовъ основала могущественные Американскіе Штаты, и т. д., и т. д. Повсюду за разгромленною жизнью слѣдуетъ новая нормальная жизнь... только мы одни въ теченіе 2000 лѣтъ на всемъ земномъ шарѣ не могли найти пріюта, потому что куда бы мы ни прибыли, тѣнь Палестины, впаиваемая въ нашу религію, заставляетъ насъ считать себя чужими и временными, а религіозно-генеалогическая скорлупа дѣлаетъ для насъ невозможнымъ всякое вліяніе на окружающіе элементы, и въ добавокъ ко всему этому многочисленные религіозные запреты и постановленія, которыхъ никто не властенъ отмѣнить, дѣлаетъ для насъ всякую попытку къ самостоятельной практической жизни совершенно невозможной. Гиллелизмъ сниметъ съ евреевъ злосчастныя оковы, и потому то, что для талмудистовъ было всегда невозможнымъ, для Гиллелитовъ сдѣлается чрезвычайно легкимъ.

Стоитъ только конгрессу Гиллелитовъ выбрать какую-нибудь опредѣленную мѣстность (напримѣръ въ Канадѣ, Штатахъ, Аргентинѣ и т. п.), объявить ее разъ на всегда центромъ гиллелитскаго еврейства — и все остальное скоро рѣшится само собою. Конечно, выборъ мѣста будетъ сдѣланъ не зря, а только послѣ предварительнаго тщательнаго изслѣдованія и только тогда, когда число Гиллелитовъ будетъ достаточно велико, чтобы выборъ конгресса имѣлъ въ глазахъ Гиллелитовъ авторитетное значеніе. Всѣ Гиллелиты будутъ тогда знать, куда имъ слѣдуетъ переселиться, если старая родина ихъ давитъ и если они хотятъ жить въ такомъ краѣ, гдѣ ихъ религія преобладаетъ и пользуется полной свободой и почетомъ. Сами по себѣ и безъ всякихъ усилій — а тѣмъ паче еще при нѣкоторой поддержкѣ со стороны евреевъ другихъ странъ — на избранной территоріи начнутъ быстро возникать города и села, населенныя евреями-Гиллелитами; благодаря высокому этическому и эстетическому характеру Гиллелизма и отсутствію всякой ограды, къ

религии своихъ сосѣдей Гиллелитовъ начнутъ скоро присоеди- няться и многіе мѣстные жители,—и черезъ 10—15 лѣтъ воз- никнетъ полный формальный еврейскій край, еврейство полу- чить крѣпкую точку опоры, пустить корни и начнетъ жить и развиваться нормальнымъ и здоровымъ образомъ. И это на- ступитъ скоро и реально, а не въ какомъ-то отдаленномъ, фан- тастическомъ и никогда не достижимомъ будущемъ, какъ при Палестинѣ; и въ этомъ краѣ мы будемъ себя чувствовать вполне какъ дома, а не подъ вѣчнымъ контролемъ, неприятно- стями и запретами на каждомъ шагу; и тамъ мы не будемъ вѣчно дрожать, чтобы кто-нибудь не выгналъ насъ и не обрекъ насъ опять на вѣчный голусъ.

Теперь, когда читатели имѣютъ уже полное понятіе о сущности и характерѣ Гиллелизма и о значеніи его для ев- рейства какъ цѣлости, посмотримъ, какое значеніе Гиллелизмъ будетъ имѣть непосредственно и немедленно для *каждаго от- дѣльнаго* еврея, принимающаго принципы Гиллелизма. Мы не будемъ говорить о той небольшой части евреевъ, которая бу- детъ жить въ упомянутой нами странѣ евреевъ, такъ какъ *ихъ* положеніе будетъ идеальное во *всѣхъ* отношеніяхъ; мы бу- демъ говорить только о положеніи того имѣющаго для насъ самое важное значеніе огромнаго *большинства* евреевъ, которое, не имѣя возможности или желанія переселиться, должно будетъ остаться навсегда на своихъ теперешнихъ мѣстахъ.

Въ чемъ состоитъ ненормальность нашего положенія и отъ чего мы собственно страдаемъ? Отъ того ли, что мы бѣдны? Нѣтъ, у насъ есть и богачи, и бѣдняки, какъ и у дру- гихъ народовъ, и есть народы, которые въ общемъ бѣднѣе насъ,—а все таки они голуса не имѣютъ. Отъ того ли, что мы лишены гражданскихъ правъ и намъ приходится перено- сить всякія несправедливости со стороны законовъ? Нѣтъ, ибо это вопросъ не еврейскій, а вопросъ *мѣстный*; раньше или позже евреи получаютъ полныя гражданскія права *повсюду*; а если въ двухъ-трехъ государствахъ имъ приходится еще тя- жело и у нихъ нѣтъ терпѣнія дожидаться и добиваться луч- шаго времени, то для этого имъ ничуть нѣтъ никакой надобности искать какого-то фантастическаго пріюта въ Палестинѣ, такъ какъ такіе пріюты имѣются во множествѣ уже вполне *готовые* и есть уже очень много странъ, куда евреи могутъ переселиться и пользоваться тамъ безусловно *всѣми* правами, наравнѣ со

всѣми другими жителями. Отъ того ли мы страдаемъ, что мы составляемъ повсюду *пришлый элементъ* и поэтому будто-бы имѣемъ мало нравственныхъ правъ на свою родину? Нѣтъ, ибо *всѣ* извѣстные намъ культурные народы составляютъ *пришлый элементъ* на своей родинѣ; ни одинъ изъ нихъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ не жилъ тамъ, гдѣ онъ теперь живетъ, и въ то время, когда мы еще жили въ Азіи, всѣ они точно такъ же жили въ той-же Азіи. Еслибы наше положеніе въ Европѣ можно было приписывать еще тому ничего не значущему обстоятельству, что мы пришли на нѣсколько сотъ лѣтъ *позже* другихъ, то вѣдь въ какой-нибудь Америкѣ даже и это обстоятельство совершенно отпадаетъ, такъ какъ большинство теперешняго населенія Америки пришло туда *одновременно* съ нами,—а все таки всѣ чувствуютъ себя тамъ отлично, а мы и *тамъ* чувствуемъ себя нехорошо. Еслибы мы страдали отъ того, что мы живемъ будто-бы на „чужой“ землѣ, а не на „землѣ нашихъ предковъ“, то въ такомъ случаѣ всѣ жители Америки должны были бы страдать гораздо больше нашего, ибо въ то время, какъ большинство изъ насъ живетъ вѣдь въ дѣйствительности въ той странѣ, въ которой жили наши отцы, дѣды и прадѣды въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ, огромное большинство Американцевъ знаютъ очень хорошо, что ихъ дѣды съ ихъ теперешней страной не имѣли ничего общаго. Отъ того ли мы страдаемъ, что у насъ нѣтъ „собственного государства?“ Нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ въ положеніи совершенно подобномъ нашему находились бы и поляки и многіе другіе,—а между тѣмъ какая огромная разница между нашимъ положеніемъ и положеніемъ на примѣръ поляковъ!

Остается еще только одно обстоятельство, которое могло бы объяснить ненормальность нашего положенія,—это тотъ фактъ, что мы повсюду составляемъ *меньшинство*. Лѣтъ двадцать тому назадъ мы лично были вполне увѣрены, что въ этомъ фактѣ кроется вся сущность еврейскаго вопроса. Исходя изъ того всѣмъ извѣстнаго факта, что „у сильнаго всегда безсильный виноватъ“, что меньшинство всегда во всемъ виновато, а большинство всегда во всемъ право, хотя бы меньшинство и стояло во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше большинства,—мы находили тогда единственнымъ спасеніемъ для еврейства, чтобы евреи гдѣ-нибудь на какомъ-нибудь клочкѣ земного шара постарались составить со-

бою *большинство*, а слѣдовательно и *силу*. Но дальнѣйшія размышленія убѣдили насъ въ послѣдствіи, что и не въ меньшинствѣ нашемъ кроется сущность еврейскихъ страданій. Для *всѣхъ другихъ* народовъ составленіе гдѣ-нибудь большинства является дѣйствительно самымъ элементарнымъ условіемъ для счастья, и всѣ они всегда инстинктивно стремились и стремятся къ этому; евреи же, благодаря ненормальному строю своей религіи, составляютъ въ этомъ отношеніи *исключеніе*. Никто вѣдь не мѣшалъ никогда и евреямъ селиться *вмѣстѣ*, подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ группамъ; имъ не только не мѣшали, но ихъ даже часто прямо *принуждали* къ этому, отводя имъ замкнутую черту осѣдлости. И во многихъ мѣстахъ евреи дѣйствительно вѣдь *составляютъ* большинство, —возьмемъ на примѣръ хотя бы любой литовскій городъ или мѣстечко... Но то, что всѣмъ другимъ людямъ приноситъ счастье, евреямъ приноситъ только страданіе; и большинство даже самыхъ краснбайныхъ еврейскихъ націоналистовъ, фантазирующихъ о землѣ, населенной евреями, чувствуютъ себя очень несчастными, если имъ въ *дѣйствительности* приходится жить въ какомъ-нибудь Бердичевѣ, населенномъ почти исключительно евреями!! Если бы въ какомъ-нибудь Бердичевѣ или другомъ подобномъ городѣ на мѣстѣ евреевъ находились поляки или какой-нибудь другой культурный народъ, тогда они, хотя бы даже юридически вполнѣ безправные, въ дѣйствительности считали бы себя и ихъ считали бы другіе коренными туземцами, нравственными хозяевами; они задавали бы тонъ, все въ городѣ и окрестностяхъ старалось бы принаравливать къ ихъ духу и потребностямъ, все польское и католическое пользовалось бы тамъ величайшимъ уваженіемъ и силою, поляки чувствовали бы себя тамъ очень хорошо, самъ городъ занималъ бы почетное культурное мѣсто и содѣйствовалъ бы славлѣ польскаго имени, а тамошніе евреи считали бы для себя величайшимъ счастьемъ быть какъ можно больше похожими на дѣйствительныхъ поляковъ. Евреи же могутъ составлять собою большинство населенія не только въ томъ или другомъ городѣ, но даже и въ цѣлой провинціи, въ какомъ-нибудь цѣломъ краѣ, и положеніе ихъ все таки не измѣнится къ лучшему, и они все останутся тѣми же самыми всѣми презираемыми нулями, и все по прежнему они, какъ въ своихъ собственныхъ, такъ и въ чужихъ глазахъ, останутся всегда чужими,

пришлецами, бродягами, хотя-бы они жили въ краѣ уже много сотенъ лѣтъ,—а всякій не-еврей будетъ считаться тамъ законнымъ сыномъ земли, хотя бы онъ составлялъ тамъ меньшинство и только вчера пришелъ въ этотъ край.

Палестина для насъ теперь фантазія, и поэтому каждый рисуетъ себѣ ее тѣми красками, которыя ему пріятнѣе всего, и намъ кажется, что тамъ былъ бы для насъ рай. И дѣйствительно, первые колонисты въ Палестинѣ чувствуютъ у себя подъемъ духа; но это только оттого, что туда идутъ не средніе представители еврейства, а только спеціальныя энтузіасты Палестины, да и тѣ живутъ тамъ той прекрасною *будущностью*, которую ихъ воображеніе разрисовало имъ. Но еслибы фантазія превратилась въ *дѣйствительность* и вся Палестина заселилась бы евреями, тогда—если *групповой характеръ еврейства не будетъ предварительно измѣненъ*—оказалось бы, что Палестина есть ничто иное, какъ новая черта осѣдлости, евреи сами рвались бы оттуда и стыдились бы Палестины, какъ они стыдятся теперь Бердичева.

Нѣтъ, не во *внѣшнихъ* условіяхъ нашей жизни кроется сущность нашихъ страданій, а въ нашей *внутренней* ненормальности. До тѣхъ поръ, пока мы этой *последней* не устранимъ, наши страданія никогда и нигдѣ не окончатся. *Внѣшнія* условія аналогичныя нашимъ мы встрѣчаемъ у очень многихъ людей, но нигдѣ мы не встрѣчаемъ той *внутренней* ненормальности, которая составляетъ всю сущность *нашихъ*, специфически *еврейскихъ* страданій. Внѣшнія условія наконецъ каждый изъ насъ можетъ очень легко перемѣнить помимо всякой фантастической Палестины, переселившись напримѣръ въ Америку, гдѣ онъ сразу оказывается во внѣшнихъ условіяхъ *вполнѣ нормальныхъ*. Мы страдаемъ не отъ того, что насъ *притѣсняютъ*, а отъ того, что насъ *презираютъ*, а еще больше отъ того, что мы сознаемъ, что это презрѣніе не безосновательно, ибо...вѣдь мы *сами* себя презираемъ, сами себя стыдимся и выказываемъ это на каждомъ шагу, сами лѣземъ на каждомъ шагу къ чужимъ, являемся во всемъ духовными паразитами и... увы, не можемъ поступить иначе! Не отъ того мы страдаемъ, что насъ бьютъ, а отъ того, что мы не можемъ съ гордымъ презрѣніемъ посмотрѣть бьющимъ прямо въ глаза и этимъ себѣ доставить нравственное удовлетвореніе, а бьющихъ обезоружить и заставить уважать насъ.

Каждый порядочный культурный человекъ, спрошенный, кто онъ такой, отвѣчаетъ и можетъ отвѣтить ясно и открыто: „я такой-то“, и этимъ онъ производитъ впечатлѣніе определенной человѣческой единицы, уважающей себя и требующей уваженія къ себѣ, а скопленіе подобныхъ единицъ даетъ силу, съ которой каждый долженъ считаться; еврей же при подобномъ вопросѣ начинаетъ краснѣть, увертываться и давать самые запутанные отвѣты, и этимъ производитъ впечатлѣніе какого-то бродяги съ нечистою совѣстью, какого-то нравственнаго нуля; и если этихъ нулей въ какомъ-нибудь городѣ или краѣ имѣется даже огромное количество, они въ суммѣ все таки даютъ нуль, на который никто никакого вниманія не обращаетъ. Правда, что многіе евреи на упомянутый вопросъ даютъ отвѣтъ опредѣленный; но во первыхъ отвѣтъ этотъ очень непостоянный, одинъ братъ отвѣчаетъ такъ, а другой отвѣчаетъ иначе, и этимъ подрывается уже всякое довѣріе къ правдивости отвѣта; во вторыхъ, какой бы отвѣтъ еврей ни давалъ, онъ всегда оказывается невѣрнымъ, ненатуральнымъ, полнымъ фальши. Болѣе или менѣе вѣренъ этотъ отвѣтъ только у *черни* нашей, поэтому мы производимъ на весь міръ впечатлѣніе человѣческой группы, состоящей изъ одной только черни, интеллигенція же наша представляется каждому чѣмъ-то происходящимъ изъ этой черни, но превратившимся въ абсолютный нуль. Когда интеллигентный еврей говоритъ, что онъ по *національности* еврей, ему отвѣчаютъ: „неправда, ибо гдѣ твой языкъ и твоя литература?“ Когда онъ говоритъ, что онъ еврей только по *религии*, ему опять говорятъ: „неправда, ибо въ такомъ случаѣ почему же ты не исполняешь своей религіи, а стыдишься ея, укрываешься съ нею и постоянно твердишь и выказываешь, что она для тебя никакого значенія не имѣетъ?“ Когда мы говоримъ, что наша родина Палестина, это фальшь, ибо не только мы тамъ не родились и не живемъ, но даже наши пра-прадѣды никогда этой страны и въ глаза не видали; когда мы говоримъ, что наша родина Россія, насъ упрекаютъ въ фальши, ибо подъ вліяніемъ нашей религіи мы на каждомъ шагу утверждаемъ, что мы въ этой странѣ чужіе, временные гости; когда мы говоримъ, что нашъ родной языкъ древне-еврейскій, это полнѣйшая фальшь, ибо мы этимъ языкомъ совершенно не владѣемъ и владѣть никогда не будемъ; когда мы говоримъ, что нашъ языкъ русскій—опять таки

фальшь, ибо не только русскіе протестуютъ противъ этого, но и мы сами чувствуемъ, что языкъ принадлежитъ той человѣческой семьѣ, которая сама его выработала, согласно своему духу и потребностямъ. а не тѣмъ постороннимъ, которые, не принадлежа къ семьѣ, только *пользуются* языкомъ этой семьи, не имѣя ни малѣйшаго права приравливать его къ своему духу и потребностямъ; когда мы говоримъ, что нашъ языкъ жаргонъ — снова фальшь, ибо это только мѣстное и временное нарѣчіе, заимствованное у нѣмцевъ, нарѣчіе, котораго ни одинъ интеллигентный еврей своимъ признавать не хочетъ, культивировать не думаетъ, въ дѣйствительности не употребляетъ и дѣтямъ по наслѣдству не передаетъ. Словомъ, какъ бы мы ни держали себя, кѣмъ бы мы ни называли себя—все фальшь да фальшь. Когда мы хотимъ опираться на *свою* національность или религію, мы находимъ одну только фикцію и руины; когда мы хотимъ присоединить себя къ *чужой* націи, мы чувствуемъ, что эта семья не *наша*, а когда мы объ этомъ пробуемъ забывать, намъ грубо напоминаютъ объ этомъ презрительнымъ отталкиваніемъ. У насъ нѣтъ никакого облика своего, никакой групповой опоры, никакой почвы подъ ногами, никакого нравственнаго равновѣсія. Это-то есть вся сущность нашихъ страданій, тѣхъ специфическихъ, *намъ* однимъ только свойственныхъ страданій, которыя одинаково давятъ и безправнаго еврея Румыніи, и вольнаго еврейскаго гражданина Америки. Это-то заставляетъ насъ постоянно и повсюду держать голову опущенной и быть предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ для всѣхъ людей. Когда евреи дойдутъ до того, что они—гдѣ бы они ни были—будутъ имѣть возможность открыто и гордо, съ чистою совѣстью и безъ малѣйшей тѣни фальши, а слѣдовательно съ поднятой головой и съ самоуваженіемъ, сказать: „я такой-то, моя родина такая-то, мой народъ такой-то, мой языкъ такой-то, моя религія такая-то,“—тогда еврейскій вопросъ будетъ рѣшенъ. Когда мы дойдемъ до того, что мы будемъ имѣть возможность *сами* относиться съ уваженіемъ къ той группѣ, къ которой мы себя причисляемъ, и не будемъ принуждены своими поступками постоянно отрекаться отъ нея и стыдливо маскировать ее,—тогда и другіе *должны* будутъ относиться къ намъ съ уваженіемъ, и еврейскій вопросъ будетъ рѣшенъ.

Люди, какъ и животныя, нападаютъ на васъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе вы у нихъ заискиваете и унижаетесь передъ ними; но стоить вамъ обернуться и гордо посмотрѣть нападающимъ; прямо въ глаза,—и тогда они проникаются уваженіемъ къ вамъ. Но до сихъ поръ мы къ сожалѣнію *не могли* этого дѣлать, потому что мы не имѣли никакой духовной почвы подъ ногами. Эту твердую нравственную почву, этотъ опредѣленный, ясный, ничего фальшиваго и позорнаго въ себѣ не имѣющій группо-вой обликъ и даетъ евреямъ Гиллелизмъ.

Когда еврея-Гиллелита спросятъ, кто онъ такой, онъ будетъ имѣть возможность отвѣтить открыто и гордо:

„Я еврей! У меня есть родина, которой никто мнѣ оспаривать не можетъ, которой я буду служить вѣрою и правдою и въ которой я свои естественныя права буду отстаивать сознательно и гордо, подобно всѣмъ другимъ моимъ братьямъ по родинѣ“. Родина наша населена различными человѣческими группами, и мы составляемъ нравственно-равноправную одну изъ такихъ группъ, и намъ нѣтъ никакой надобности обезличивать себя въ пользу группъ болѣе сильныхъ. Если въ данной странѣ мы родились, въ ней проводимъ всю жизнь, ея законамъ подчиняемся, если солнце только этой земли насъ всегда грѣло, только ея небо и пейзажи съ самаго дѣтства ласкали нашъ взоръ, если каждый атомъ нашего организма состоитъ исключительно изъ продуктовъ этой земли, возникъ изъ ея почвы, выращенъ ея атмосферой,—то мы коренные сыны этой земли, и сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть никакого ни для насъ, ни для нашихъ окружающихъ, если только въ нашемъ общинномъ строѣ, а слѣдовательно и воспитаніи, не будетъ уже больше того элемента, который насильственно заставляеть насъ съ самаго дѣтства твердить себѣ и искусственно вдалбливать въ себя и въ нашихъ окружающихъ убѣжденіе, что мы на нашей родинѣ чужіе. Родина принадлежитъ всѣмъ ея натуральнымъ и законнымъ сынамъ, не только какое-бы платье они ни носили и какія бы убѣжденія они ни имѣли, но и къ какой бы религіи они ни принадлежали и какимъ бы языкомъ они ни говорили. *Родина*, (т. е. земля) со всѣмъ этимъ ничего общаго не имѣетъ. Родина не знаетъ ничего о групповыхъ различіяхъ и дразгахъ своихъ сыновъ, она принадлежитъ всѣмъ тѣмъ, кто на ней родился и на ней имѣетъ могилы своихъ отцовъ и дѣдовъ; сегодня на родинѣ одинъ

элементъ преобладаетъ, а завтра могутъ преобладать другіе элементы; одни чувствуютъ себя на родинѣ лучше, другіе хуже, но *право* всѣ натуральные сыны имѣютъ на нее одинаковое. Не намъ однимъ болѣе сильные элементы оспаривали права на мать-родину: такъ во многихъ мѣстахъ поступали одни элементы съ другими, но повсюду природа и справедливость раньше или позже брали верхъ; мы одни только до сихъ поръ составляли въ этомъ отношеніи исключеніе только потому, что благодаря ложно-территоріальному строю нашей религіи мы *сами* добровольно отказывались отъ нашихъ правъ на родину.

Сколько бы болѣе сильные элементы на нашей родинѣ ни утверждали, въ силу кулачнаго права, что земля принадлежитъ только имъ, мы все таки будемъ любить свою мать-родину искренно и не будемъ отказываться отъ ни въ чемъ не повинной матери своей за несправедливости, переносимыя нами отъ болѣе сильныхъ братьевъ по родинѣ, а будемъ всегда надѣяться на то, что раньше или позже справедливость возьметъ верхъ и кулачное право однихъ сыновъ родины надъ другими такими же натуральными сынами родины исчезнетъ. Литовскому еврею-Гиллелиту родные берега Нѣмана будутъ такъ же милы и дороги, какъ литовскому поляку-католику или литовскому русскому-православному. Если же, подъ давленіемъ болѣе сильныхъ элементовъ, для кого-нибудь изъ насъ положеніе на родинѣ будетъ невыносимымъ, тогда онъ сдѣлаетъ то, что дѣлаютъ всѣ другіе люди въ подобномъ положеніи, т. е. онъ покинетъ ту страну, въ которой онъ родился и провелъ всю жизнь и гдѣ покоится прахъ его отцовъ и дѣдовъ, и поищетъ для себя и для потомства своего *новой* родины въ такой странѣ, гдѣ его единовѣрцы составляютъ большинство и силу.

„Я еврей!“ съ гордымъ самосознаніемъ скажетъ Гиллелить; „у меня есть народъ, къ которому я могу причислять себя вполне сознательно, безъ всякой натяжки и софизмовъ; у меня есть религія, которой мнѣ стыдиться нечего, которой я буду оказывать свое уваженіе вполне открыто и которой я не буду больше принужденъ держать вдали отъ дѣтей своихъ, номинально причислять себя къ ней, а поступками своими отрекаться отъ нея; у меня есть свое имя (конечно не исковерканно-жаргонное, а Гиллелитское), котораго я не заимствовалъ отъ святыхъ чужой церкви и котораго я не стыжусь и не

передѣлываю какъ хамелеонъ; у меня есть групповые обычаи, отъ которыхъ мнѣ трусливо отречься нѣтъ надобности; у меня есть прошлое, отъ котораго я не отрекаюсь, и будущее, лишенное всякой туманности и полное самыхъ славныхъ, свѣтлыхъ и возвышенныхъ надеждъ; у меня есть языкъ, съ которымъ мнѣ нигдѣ укрываться нечего, отъ котораго мнѣ отречься не приходится, куда бы меня судьба ни забрасывала, котораго мнѣ ни у какой человѣческой группы испрашивать не приходится, а за которымъ, напротивъ, люди всего земного шара будутъ обращаться ко мнѣ, такъ какъ это будетъ языкъ нейтрально-человѣческой, въ которомъ всѣ народы такъ давно уже нуждаются для взаимныхъ сношеній; у меня есть прекрасно развивающаяся и всему міру легко доступная литература, которую я, не играя уже роли нищаго, пользующагося подавнїями, преподношу народамъ взаменъ за тѣ духовныя богатства, которыя я черпаю отъ нихъ. Ни передъ кѣмъ унижаться, ни у кого заискивать, никому обезьяннически подражать мнѣ не надо, такъ какъ мое групповое „я“ вполне ясно и открыто и имѣетъ во всѣхъ отношенїяхъ достаточно данныхъ, чтобы внушать къ себѣ уваженіе окружающихъ. Мои дѣти не будутъ уже больше на всемъ земномъ шарѣ нравственными пасынками съ позорнымъ клеймомъ на челѣ, и если имъ матеріально гдѣ-нибудь придется еще страдать, они по крайней мѣрѣ нравственно будутъ чувствовать себя свободными и гордыми людьми, подобно всѣмъ людямъ.“

Люди скоро поневолѣ научатся высоко цѣнить и уважать насъ, ибо сущность Гиллелизма, некроющая въ какихъ-то страшныхъ для окружающаго міра талмудахъ и кагалахъ, будетъ всегда для всякаго вполне ясна и открыта и поневолѣ будетъ внушать уваженіе. Всякій, вошедшій въ нашъ храмъ поневолѣ будетъ относиться къ нему съ благоговѣніемъ, всякій, познакомившійся съ нашимъ богатымъ языкомъ и его быстро расцвѣтающей литературой, поневолѣ начнетъ смотрѣть на насъ какъ на людей, представляющихъ собою значительную духовную силу. Если даже намъ придется нѣкоторое время еще переносить неприятности, то онѣ уже для насъ не будутъ тягостны, мы будемъ переносить ихъ гордо и съ полнымъ внутреннимъ удовлетвореніемъ, сознавая, что мы переносимъ ихъ не ради какого-то безсодержательнаго фантома, котораго мы сами стыдимся и съ которымъ мы укрываемся, а ради

высокой и священной правды, ради великой идеи будущего, передь которой раньше или позже преклонятся всѣ преслѣдователи наши. Имѣя сознание чистоты и опредѣленности своей въ своихъ собственныхъ глазахъ и глазахъ всего міра, мы будемъ всегда носить свое знамя открыто и гордо и, гдѣ бы мы ни были, мы останемся всегда вѣрными своему вполне ясному и опредѣленному знамени, не должны будемъ укрывать свое „я“ и поддѣлываться подъ тонъ даннаго мѣста или времени; повсюду мы будемъ въ глазахъ міра членами всѣмъ известной незапятнанной семьи, а не какими-то паріями. Мы перестанемъ быть летучими мышами, которыя сами не знаютъ, къ какому лагерю животныхъ себя причислить и поэтому презираются и однимъ классомъ, и другимъ.

Бѣда человѣку, если онъ не имѣетъ своей семьи, если онъ долженъ постоянно навязываться чужимъ семьямъ, если ему нечего любить, не къ чему привязаться. Эта духовная безпріютность, такъ сильно ощущаемая еврейской интеллигенціей, и есть вся сущность еврейскихъ страданій. Гиллелизмъ ее устранить. Чистый, духовно-теплый храмъ нашъ, ни у кого не заимствуемый, приноровленный къ нашему духу и потребностямъ языкъ нашъ, наша литература, наши ивѣсни,—все это будетъ давать намъ постоянно такой теплый пріютъ и столько нравственныхъ радостей, что всякія бури жизни будутъ для насъ уже не страшны. Еврейство перестанетъ наконецъ быть вѣчнымъ несчастіемъ, евреи сдѣлаются похожими на всѣхъ остальныхъ людей. У насъ будетъ къ чему привязаться душою, у насъ будетъ на что надѣяться.

Резюмируемъ теперь въ краткихъ словахъ всю сущность нашего проекта:

1. **Очистить еврейскую религію**, для того чтобы она перестала быть для насъ вѣчною помѣхою во всемъ, и для того, чтобы каждый изъ насъ могъ безъ лицемѣрія и самопротиворѣчія открыто и гордо исповѣдывать свою религію и воспитывать въ ней дѣтей своихъ.

2. **Установить для евреевъ собственный языкъ**, для того чтобы мы, разъ намъ судьба уже назначила быть народомъ, перестали быть вѣчными нулями и духовными паразитами среди народовъ.

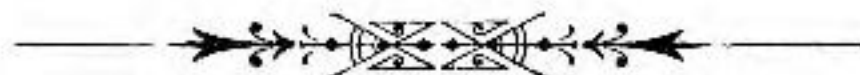
3. **Выбрать какое-нибудь определенное мѣсто**, гдѣ могли бы начать концентрироваться всѣ тѣ евреи, которые почему-либо рѣшаются выселиться изъ своей натуральной родины и хотѣли бы жить среди своихъ.

А такъ какъ нѣтъ никакой возможности склонить сразу *все еврейство* принять упомянутые три пункта, то мы должны на лонѣ еврейства основать *особую общину*, которая устроила бы свою жизнь согласно этимъ пунктамъ и затѣмъ старалась бы всасывать въ себя постепенно все остальное еврейство.

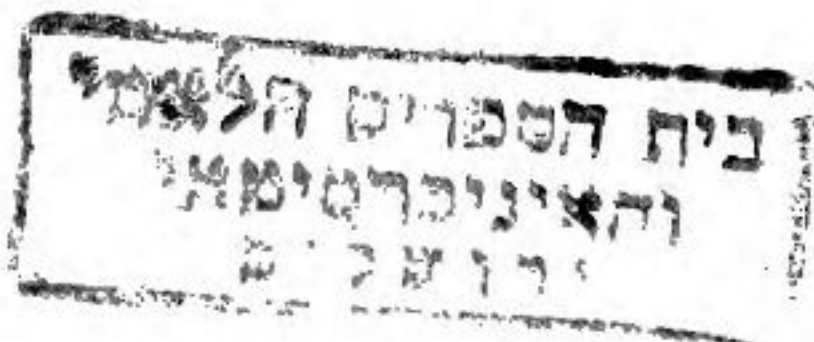
Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о нашемъ отношеніи къ Сіонизму. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія убѣждать евреевъ вырвать Палестину изъ своего сердца, ибо въ виду той огромной роли, которую Палестина играла въ исторіи еврейства, подобное стремленіе не только оставалось бы навсегда безплоднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы совершенно противоестественнымъ и безцѣльнымъ. Какъ колыбель нашей исторической группы, нашего „народа“, Палестина будетъ такъ же дорога Гиллелитамъ, какъ и всѣмъ остальнымъ евреямъ, и когда Гиллелиты со временемъ окрѣпнутъ, они вѣроятно будутъ стремиться пріобрѣсть въ свою собственность тотъ клочекъ земли, съ которымъ связаны воспоминанія дѣтства нашего народа. Но у Гиллелитовъ это Палестинофильство будетъ только цѣтизмомъ, а не рѣшеніемъ еврейскаго вопроса. Когда человекъ устроился, обогатилъ надлежащимъ образомъ свой духъ, пріобрѣлъ себѣ матеріальное благосостояніе и всеобщее уваженіе,—тогда онъ можетъ стремиться къ пріобрѣтенію той хаты, въ которой онъ родился и провелъ свои дѣтскіе годы; но если онъ стремленіе къ хатѣ дѣтства превращаетъ въ цѣль своей жизни, если его постоянно преслѣдуетъ *idée fixe*, что жизнь для него возможна только въ хатѣ его дѣтства, что онъ поэтому нигдѣ не долженъ пробовать устроиться,—тогда онъ навѣки останется презрѣннымъ нищимъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Гиллелизмъ хочетъ избавить еврейство отъ этой несчастной *idée fixe*, открыть передъ евреями міръ Божій, заставить ихъ стряхнуть свою апатію и дѣятельно взяться за работу надъ собою и своею будущностью; Сіонизмъ

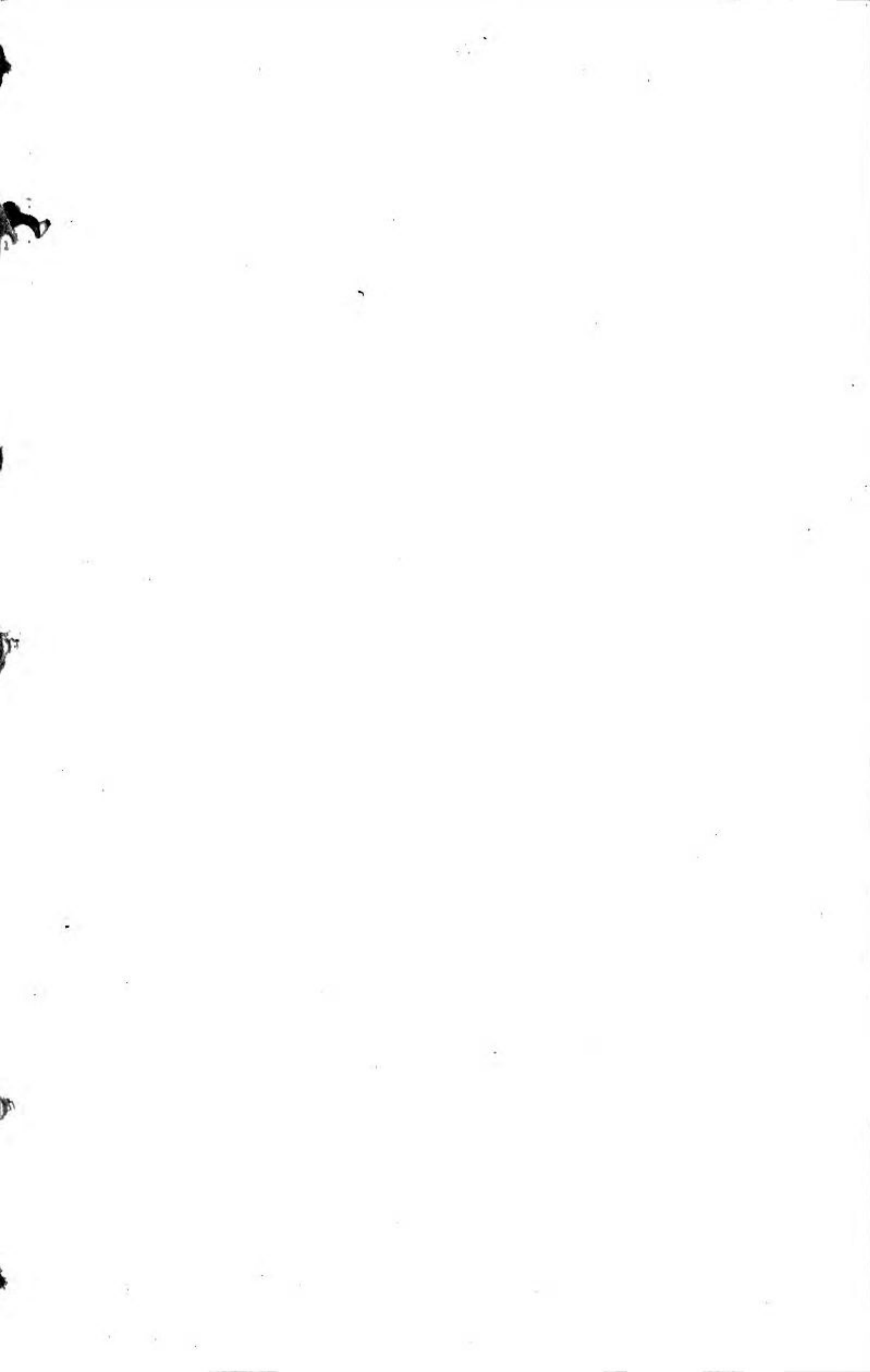
же, напротивъ, укрѣпляетъ у евреевъ эту *idée fixe*, которая составляетъ все несчастіе еврейства. Вотъ почему дѣятельность Сіонистовъ сама по себѣ должна была бы быть названа прямо *вредною*. Но къ счастью дѣло обстоитъ иначе, и дѣятельность Сіонистовъ принесетъ еврейству значительную пользу: та полнѣйшая фантазія, которая заключается въ Сіонизмѣ, скоро лопнетъ, какъ мыльный пузырь; но вызванное Сіонизмомъ пробужденіе народнаго (или вѣрнѣе группового) самосознанія и стремленія къ спасенію себя останется и принесетъ самые лучшіе плоды. Самъ Сіонизмъ, разъ онъ перешелъ въ руки интеллигенціи, раньше или позже уничтожитъ Сіонъ и спасетъ еврейство.

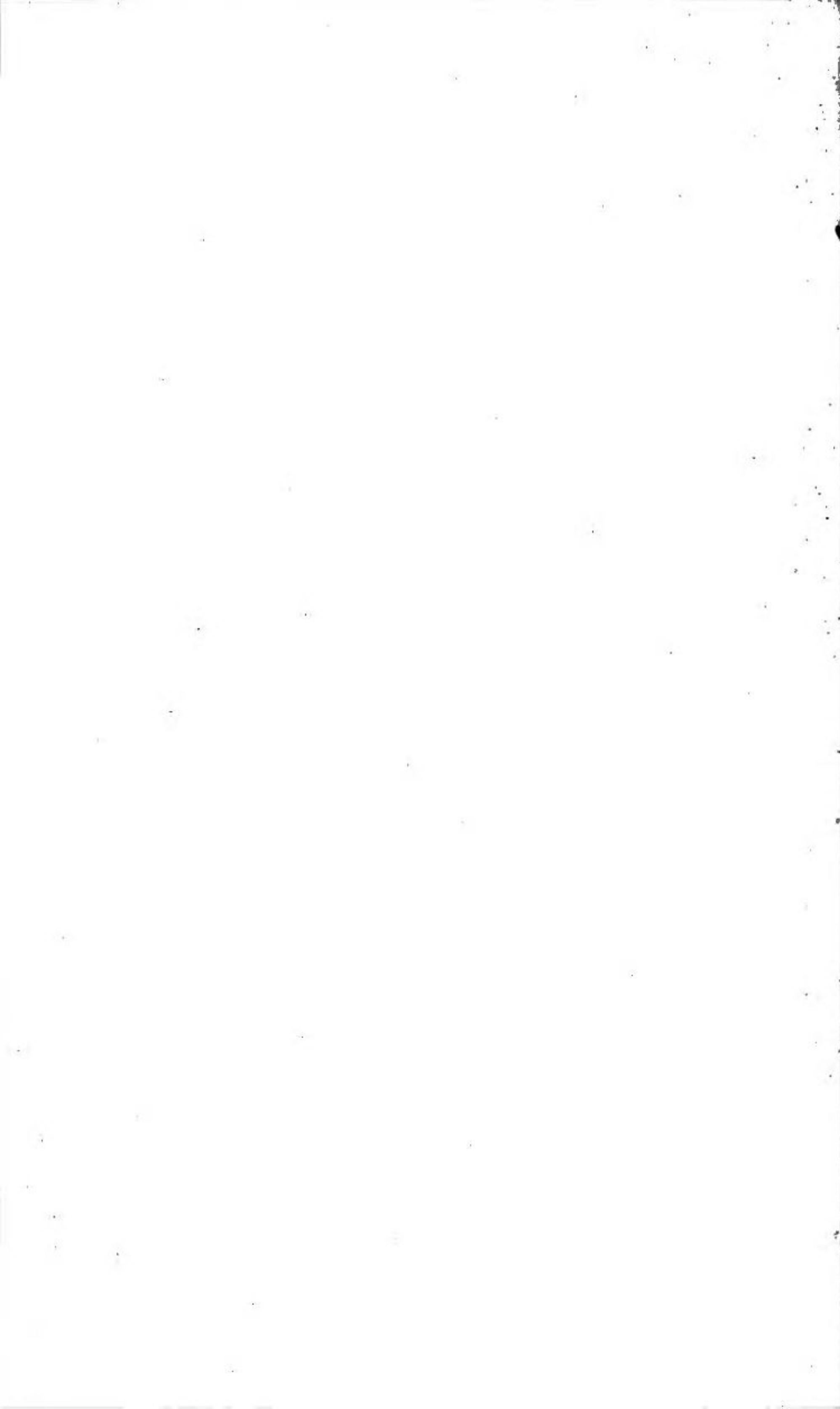

АДРЕСЪ АВТОРА:

Г. Х. ГЕРМЕЛИНУ ДЛѢ Г. С.
ВАРШАВА, УЛ. МАРШАЛК. 65

הספריה הלאומית

S 23 B 13780

Заменгоф, Людвик Лазарь,

Гиллелизмъ :

C.2

2162522-20

W-X

60984 81800

183613

S

S
23
B
13780

C.2

2